

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОПОНИМЫ БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Сайненко Юлии Валерьевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор С.А. Кошарная

Рецензент
обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
О.А. Шкреба

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТОПОНИМИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ.....	7
1.1. Современные научные аспекты изучения топонимики.....	7
1.2. Основания лингвокультурологического подхода к топонимике.....	13
1.3. Проблема классификации топонимов.....	18
1.4. Лингвистическая культурология как отражение новых подходов в языкознании.....	22
1.5. Лингвокультурема как единица лингвистического описания	25
Выводы по главе 1.....	33
ГЛАВА 2. ТОПОНИМИКА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	35
2.1. Ойконимы, мотивированные именами существительными.....	36
2.1.1. Ойконимы, основы которых восходят к каноническим именам.....	36
2.1.2. Ойконимы, основы которых восходят к фамильным антропонимам с неканонической базой.....	37
2.1.3. Ойконимы-прилагательные, образованные от нарицательных имен существительных.....	48
2.2. Ойконимы, мотивированные именами прилагательными	59
2.3. Описание ойконимов-сингулятивов.....	61
2.4. Описание ойконимов сложной модели образования.....	62
Выводы по главе 2.....	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	73
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	76
Приложение.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию топонимического состава Белгородского района Белгородской области с точки зрения лингвокультурологического подхода.

Актуальность исследования определяется тем, что изучение ономастических единиц отдельного региона продолжает оставаться одной из важнейших задач современного языкознания; подобные исследования, которые проводятся в системе лингвокраеведческих дисциплин, демонстрируют отражение в топонимике многовековой истории, межкультурных контактов и – нередко – духовных традиций народа.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов:

- в области ономастики и топонимики: Р. А. Агеевой, Е. Л. Березович, И. А. Воробьевой, М. В. Голомидовой, М. В. Горбаневского, В. А. Жучкевич, Ю. А. Карпенко, А. К. Матвеева, Э. В. Мурзаева, В. А. Никонова, Н. В. Подольской, Е. М. Поспелова, Г. П. Смолицкой, А. В. Суперанской, Н. К. Фролова и др.,

- в контексте лингвокультурологии и межкультурной коммуникации: Е.М. Верещагина, М. В. Горбаневского, В. В. Воробьева, О. А. Леонович, В. А. Масловой, С. Г. Терминасовой, Г. Д. Томахина и др.

Вопросам изучения ономастики Белгородской области посвящены работы И.И. Жиленковой.

В диссертационной работе исследован сложный ареал топонимической лексики в лингвокультурологическом плане, предпринята попытка уровневого подхода к изучению географических названий с учетом их структуры, семантики, происхождения и функционирования.

Объектом исследования являются топонимы Белгородского района Белгородской области, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических и картографических источников.

Предмет исследования – их семантические и структурно-словообразовательные, а также лингвокультурологические особенности.

Цель проводимого исследования – описать специфику и универсальные закономерности топонимической системы одного ареала – Белгородского района Белгородской области, исследуя семантику, структуру и культурный компонент топонимов.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- собрать и систематизировать языковой материал;
- выявить специфику топонимов Белгородского района Белгородской области;
- классифицировать топонимы в соответствии с их структурными особенностями;
- определить лингвокультурологическую специфику анализируемых топонимов.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- теоретически обосновано употребление в отношении топонима термина *лингвокультурема*;
- описаны вариативные классификации топонимов в преломлении к топонимическому материалу Белгородского района Белгородской области;
- выделены и описаны универсальные качества и национально-специфичные особенности топонимов.

Теоретическая значимость диссертации состоит в углублении понимания лингвокультурной ситуации, в формировании которой участвуют не только пространственно-временные, климатические, но и географические факторы, отражающиеся в локальной топонимике; в уточнении определения

топонима как исторически, социально и культурно обусловленного географического названия.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения результатов исследования в практической работе учителя-словесника, а также в преподавании основных вузовских дисциплин и специальных курсов по теории языка, лингвокультурологии и лингвокраеведению.

Методы исследования. Ведущими методами данного исследования являются описательный, этимологический, словообразовательный анализ, лингвокультурологический комментарий, а также сравнительный метод.

Теоретико-методологической базой исследования послужили следующие положения, доказанные в лингвистике.

- Языковая картина мира неразрывно связана с топонимиконом отдельных регионов. Географические наименования являются носителями лингвокультурологической информации, сохраняют ее и транслируют. Топонимы Белгородского района Белгородской области отражают наиболее значимые историко-культурные события указанного ареала.

- Отражение в значении топонимов рельефа, флоры и фауны, местоположения объекта, деятельность человека в целом и отдельных личностей в частности – специфические и универсальные характеристики топонимов исследуемого региона.

- Топонимы – национально-культурно маркированные языковые единицы. Ойконимическая система Белгородского района Белгородской области включает в себя русский и тюркский топонимические пласты, следы финно-угорской топонимии. Русские названия не только конкретизируют особенности ареала, но и отражают духовные и культурные ценности народа.

Эмпирической основой исследования послужили географические наименования Белгородского района Белгородской области, в численном составе – **78** топонимов.

Достоверность научных положений и выводов обеспечивается общей теоретической базой исследования, применением надежного методического инструментария, объемом исследованного материала.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и результаты исследования были представлены в докладах на Практико-ориентированном семинаре учителей русского языка и литературы (Белгород, 5 апреля 2017 г.); Практико-ориентированном семинаре учителей русского языка и литературы (Белгород, 22 февраля 2018 г.). Идеи, основные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях магистерского семинара кафедры русского языка и русской литературы и на ежегодных научных конференциях факультета (2016, 2017, 2018).

По теме исследования опубликована 1 статья: «Топонимы Белгородского района как лингвокультуремы» // Журнал «Молодой ученый» (№1 (239), январь 2019 г.). Рубрика «Филология».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка (72 источника, включая 5 словарей) и двух приложений.

ГЛАВА 1. ТОПОНИМИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

1.1. Современные научные аспекты изучения топонимики

В современной научной системе любой из предметов, который окружает нас, имеет определенное наименование, которое определяет, безусловно, количество слов в языке. При помощи слов человек может обозначить самые разные понятия, начиная от вещей (*книга, дом, стол, дерево* и т.д.), каких-либо абстрактных значений (к примеру, *чудо, счастье, радость* и т.д.), заканчивая качествами и свойствами (*злой, маленький, глубокий, трудолюбивый*). Однако, важно отметить, что любое слово имеет отношение не к конкретному предмету, а к определенному классу одинаковых предметов, получившего название «нарицательные имена».

Тем не менее, в любом языке существуют предметы, которые обозначают индивидуальность и относятся лишь к одному предмету или объекту. Такие слова получили название «собственные». К данной категории слов как раз-таки можно отнести различные названия, имеющие географические аспекты, или же общее понятие «топоним», что в переводе с греческого означает «место» или «имя места».

На сегодняшний день разнообразие географических названий вызывает неизбывный интерес исследователей, поскольку такие номинации представляют собой не только факты языка, но и факты культуры, которые непосредственно связаны с этнокультурной историей того или иного региона. При этом исследователей интересует происхождение того или иного географического названия, и именно поэтому сложилась отдельная наука «топонимика», основной целью которой является изучение отдельных аспектов в развитии того или иного географического наименования.

Следует отметить, что топонимы составляют важную часть в общественном развитии. Топонимическая система, характеризующая ту или иную

локализацию, – творческий результат народа. Ввиду всех обозначенных аспектов представляется важным процесс осмысления топонимов, а именно анализ процесса их появления, развития, изменений, обозначения. Данными вопросами в современной научной системе занимается наука, получившая название «топонимика».

Изучение топонимических систем определенных находится в центре внимания целого ряда фундаментальных и прикладных исследований.

Топонимика уже давно стала самостоятельным, специальным научным направлением, предметом изучения которого являются географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение.

Тем не менее, в работах молодых исследователей нередко происходит путаница между словами «топонимика» и «топонимия».

Понятие «топонимия» охватывает весь массив географических названий, в частности – бытующих в конкретной местности. Таким образом, объект изучения топонимики – топонимия.

Если определять суть топонимики как науки, то необходимо отметить, что она интегрирует достижения других научных дисциплин, таких, как: лингвистика, история, культурология, этнология, география. В этой связи топонимика – достаточно сложная наука ввиду своего междисциплинарного характера. Рассматривая лингвокультурологический аспект топонимики, отметим, что, в первую очередь, изучаются слова языка, имена собственные, отражающие историческое прошлое и процесс развития этноса. В то же время наименования, несущие географический смысл – неотъемлемые части лексического состава языка народа, репрезентанты лингвистических категорий, подчиняющихся законам языка. Ввиду этого представляется важным разноуровневое рассмотрение данных номинаций учеными-языковедами.

Изучая топонимику в качестве научной системы, стоит отметить ономастику – раздел в языкознании, предметом изучения которого являются имена собственные – онимы. Онимы подразумевают под собой все антропо-

нимы, зоонимы, астронимы, этнонимы, фитонимы, эргонимы и т.д. Следовательно, в задачах топонимики, прежде всего, лежит исследование происхождения, эволюции географических названий, эволюцию, причин изменений, а также условий возникновения.

«Наименования, связанные с географическими условиями развивались посредством протекающих определенных исторических событий, то есть они в полной мере отражают их хронологию» [Ершова 2015: 22]. Причинами трансформации топонимов можно назвать следующие:

1. Военные действия на определенной территории;
2. Миграции населения;
3. Контакты между этносами.

Любая из исторических эпох несет с собой новые географические наименования, тем самым образуя разновременные топонимические пласты. Исторические топонимы разных эпох запечатлены в различных исторических документах таких как: летописи, писцовые книги, грамоты. Они также были и становятся предметом научного интереса.

Заключая вышесказанное, можно прийти к выводу, что топонимика, действительно, имеет тесную связь с исторической наукой. Однако, не стоит забывать о ее влиянии на географию. Так, к примеру, различные географические наименования являются первоочередными элементами при составлении карт. Здесь функции географии различны: и локальная привязка, анализ характера заселения, освоения и хозяйственного использования территории.

Топонимия также может рассказать о характерных природных особенностях на региональном уровне, сделать возможным реконструирование ландшафтов прошедших времен. Грамотное использование топонимических сведений географами может создать ценный материал для познания природных ландшафтов, характера хозяйственной деятельности населения, этнической принадлежности. Географы имеют представление о различных географических терминах, основой которых служат топонимы.

Грамотное написание терминов, связанных с топонимией – важнейший аспект для картографии. «Многолетний опыт ученых показывает, что при проведении топонимических исследований важно использование методов и достижений и истории, и лингвистики, и географии. В свою очередь, топонимист должен обладать и историческими, и лингвистическими и географическими знаниями. Положение по этому поводу было сформулировано в 1960-х гг. и до сих пор первостепенно при изучении каких-либо аспектов в топонимике» [Ершова 2015: 28]. Можно сказать, что наука топонимика обладает определенной самостоятельностью, но в то же время тесно связана с лингвистикой, историей и географией.

Важно отметить, что любое из явлений в топонимике должно подвергаться всестороннему исследованию, при использовании различных методов анализа и синтеза.

Говоря о полноценности изучения топонимических явлений – исторические условия представляются как одни из наиболее важных и первостепенных аспектов. При учете конкретных исторических реалий вытекает достоверность изысканий. «Топонимы, как правило, семантически утилитарны, так как отражают отношение человека к природе, которое сложилось в течение длительного исторического периода. Наименование, как правило, имеет социальный характер, так, например, термины, несущие физико-географический смысл подразумевают под собой степень важности того или иного объекта» [Басик 2008: 44]. Любой из исторических периодов подразумевает под собой определенный топонимический ряд. Ввиду этого историко-хронологический подход в изучении топонимов очень важен.

Тем не менее, историко-хронологический метод исследования не всегда представляется возможным. Некоторые физико-географические термины определенных народностей не имеют установленную датировку, в то время как социально-экономические наименования, как правило, хронологически точно определены. Следует учитывать во внимание тот факт, что именно доскональное изучение исторических документов, в контексте которых ана-

лизируются топонимичные ряды, и какая-либо информация, связанная с топонимами той или иной территории, является важным фактором в таком исследовании.

На сегодняшний день учеными различается большое число исторических документов, которые могут быть привлечены в качестве источника культурологической информации:

1. летописи,
2. актовые материалы, к числу которых можно отнести писцовые книги, акты имений,
3. законодательные документы – рескрипты, дарственные на право пользования землями,
4. периодика,
5. традиционные мемуарные материалы, путевые заметки.

В частности, среди письменных источников, касающихся топонимии, наиболее уникальны писцовые книги XV-XVI вв., в основе которых лежат описания состояния сельского хозяйства и различных промыслов, обозначается число обрабатываемых земель в каждом селении, зафиксированы названия транспортных путей и наименования урочищ.

Если рассматривать лингвистические методы в историческом и синхроническом исследовании топонимии, то здесь можно выделить несколько:

1. этимологический,
2. формантный,
3. словообразовательный (структурно-грамматический) анализ топонимов как слов языка.

Самый значимый для исторического анализа лексем и, пожалуй, самый важный из перечисленных методов, это – этимологический. Его роль заключается в восстановлении первоначального значения географического наименования. Тем не менее, стандартный этимологический анализ лексического факта, в основе которого лежат чисто лингвистические принципы, не будет способен распознать истинное значение первопричин появления того или

иногo топонима. Для конкретизации стоит учитывать и географические, социально-политические, и культурно-исторические аспекты и обстоятельства, которые могут применяться к различным областям определенного региона.

Топонимический анализ также может быть произведен при помощи лингвистических средств словообразовательного метода, имеющий также название «структурно-грамматический»). В его основе лежит исследование повторяющихся в больших количествах элементов в названиях. Эти элементы получили также свое обозначение – форманты, что на латинском обозначает «тот, кто образует». В формантах, как правило, используются конечные части наименований, которые могут быть представлены суффиксами или же окончаниями. Другие же элементы, характеризующиеся приставками, основами слов представляются также интересными и важными при проведении топонимического словообразования. Но ввиду своей массовости, они, с точки зрения науки, наименее ценны. Тем не менее, большинство сторонников словообразовательного метода полагают, что именно с его помощью возможно проследить повторяющиеся элементы в топонимичных названиях, что создает серьезный вопрос для выдвижения суждений по поводу типологии и о миграциях населения, которые, в свою очередь, переносят топонимы в новые места.

Сегодня топонимика становится важным объектом изучения новой лингвистической дисциплины – лингвокультурологии, которая изучает взаимосвязь наименования и культурного факта, которая находит отражение в области культурной коннотации слова. И в этом ключе каждый топоним как результат взаимодействия языка и культуры народа оказывается значимым источником для лингвокультурологических исследований того или иного этноса.

Таким образом, топонимика, на сегодняшний день представляет собой прогрессирующую науку, которой заинтересованы не только ученые-географы, но и лингвисты, и историки. В последнее время предметом исследования все чаще становятся топонимы, представляющие основную массу

имен собственных, как правило, связанных с географическими названиями. Все это можно объяснить тем фактом, что именно они отражают не только жизнь общества, но и его историческое прошлое.

1.2. Основания лингвокультурологического подхода к топонимике

Смысловое объяснение географических названий интересовало человечество еще на самых первоначальных вехах цивилизационного формирования. Так, в Древнем Египте при исследовании древних текстов, было выявлены первые попытки анализа топонимов, а также составления их классификации. В эпоху античности различные историко-географические работы, как правило, содержали объяснение тех или иных топонимов. Тем не менее, трактовка топонимов, относящаяся именно к античному периоду довольно-таки специфична. Дело в том, что очень часто объяснение любого из наименований несло мифологическое объяснение, то есть выдвигалась связь с сюжетами мифов или же объяснение давалось на греческом или латинском языках. Тем не менее, можно было и встретить реальные объяснения названий объекта, которые относились к определенной локации или признакам наименования.

Известные античные мыслители такие как: Геродот («История»), Страбон («География»), Плиний Старший («Естественная история») в своих трудах также давали трактовку географическим терминам, посредством описания топонимов или же просто их упоминанием. Однако, описание топонимов в данных работах относились к отдельным названиям, носили единичный характер, то есть при их объяснении не устанавливались какие-либо закономерности или взаимосвязи. Исследование топонимов превратилось в собирание интересных и новых фактов для пытливых умов.

Однако, характеризуя место топонимики в античной эпохи, следует сказать о предпринятой попытке научного исследования топонимической

информации в I в. н. э. античным ученым Помпонием Мела – уроженцем Южной Испании. В сочинении Помпония «О положении Земли», также именуемом как «Хорография» топонимы представлены в качестве научного инструмента. Ученый, опираясь на принадлежность географических названий к определенной территории, предпринял попытку вычленить границы лузитанской и кельтской областей своей родины – юга Пиренейского полуострова.

Далее, средневековый период в Европе ознаменовался практически полным отсутствием не только исследований в области топонимики, но и попыток, в целом. Как правило, топонимические явления носили спорадичный характер, очень часто выдвигались абсурдные гипотезы с долей фантастики.

Что же касается Древнерусского государства, то в летописях можно проследить некоторые стремления в толковании того или иного географического названия, однако, опираясь на легенды. Ярким примером здесь может послужить сказание о происхождении такого топонима как «Киев», которое зачастую связывают с личным именем – *Кий*. По легенде Кий являлся князем, в честь которого город *Киев* и получил свое наименование. Также в русской летописи, датированной 933 годом, появление названия города *Переяславль* связывается с легендой о молодом ратнике князя Владимира, победившего воина-богатыря печенегов.

Научное исследование топонимических данных можно проследить в средневековой восточной мысли: труды Мовсеса Хоренаци из Армении, датированные седьмым веком, ученого-энциклопедиста Абу-Рейхана аль-Бируни из Средней Азии (X-XI вв.), тюркского географа и лингвиста Махмуда аль-Кашгари (XI в.). Как правило, восточная мысль средних веков характеризовалась этимологическими исследованиями топонимов, а также большой интерес представляли работы о гидронимах Азии.

Таким образом, несмотря на предпринимаемые в средневековье попытки исследования и объяснения топонимов, зачастую их основой были домыслы или догадки исследователя ввиду отсутствия определенных методов познания в сфере топонимических взаимосвязей и закономерностей.

Период с XVIII по XIX вв., пожалуй, можно считать временем появления основополагающих принципов топонимики в качестве науки. Оформившись как отдельная научная дисциплина, топонимика во многом специальными отраслями знаний, которые возникали благодаря научным потребностям в практике. Именно исследователи XVIII-XIX вв. одними из первых сосредоточили и систематизировали наименования объектов для дальнейшего грамотного толкования и использования при картографировании. Устойчивый интерес к исследованию географических названий в качестве первостепенного источника географической информации начинает возрастать в России с XVIII века. Как отдельное направление топонимики начинает рассматриваться историком и географом В.Н. Татищевым, который определял топонимию как часть географии.

В XIX в. использование топонимических данных широко распространяется в исследованиях по географии. Здесь стоит выделить работу Н.И. Надеждина «Опыт исторической географии русского мира», опубликованную в 1837 году. Монография построена полностью полагаясь на топонимический материал, где автор выдвигает проблему использования метода картографии в историко-географических исследованиях топонимического плана. Выражение Н.И. Надеждина «Топонимика – это язык Земли» впоследствии стало часто используемым» [цит. по Гак 1998: 102].

Вопросы, связанные с топонимикой, во второй половине XIX века все чаще стали волновать ученых. Топонимика стала рассматриваться не только в общих государственных географических названиях.

В 1860-1880-х гг. стремительно распространяются исследования в области топонимики на региональном уровне. «Известный историк и этнограф А.К. Киркор в работе «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» считал необходимым использовать топонимические данные для реконструкции древних этнических границ посредством досконального исследования наименований древнейших мест, рек, озер и т.д. Большое количество топонимических сведений содержится в 3 томе «Живописной России» (1882), где

перу А.К. Киркора принадлежит большая часть очерков» [Никонов 1996: 37-38].

Таким образом, XVIII-XIX века являются основополагающими в развитии основ топонимического направления. Учеными были накоплены значительные материалы, определены характерные закономерности топонимики.

Научные исследования в области топонимики с начала XX века приобретают все более широкие масштабы. Ученый-географ Л.С. Берг в своих трудах отмечал тот факт, что сбор, классификация и исследование географических топонимов очень важно не только для географической науки, но и для истории и лингвистики. Автором впервые было отмечено такое явление как смысловой сдвиг терминов, которые позже были изучены, основываясь на примерах нескольких топонимических систем.

Становление и развитие топонимических исследований связано с трудами крупного ученого-географа В.П. Семенова-Тян-Шанского. Однако, в отдельную науку топонимику окончательно сформировалась лишь ко второй XX века, когда было проведено большое число практических исследований географических названий лингвистами. Так, например В.А. Никоновым был сформулирован ряд главных топонимических принципов, показана историчность топонимии, разработана типология и классификация. Разработка теории по вопросам имен собственных является заслугой ученого А.В. Суперанской [Суперанская 1964-1985]. Отмечая ведущих ученых в области топонимики, стоит также отметить работы О.Н. Трубочева [Трубочев 1994], А.И. Яценко [Яценко 1994], А.М. Селищева [Селищев 1968] и др.

В разработку современного геотопонимического направления исследований внес значимый вклад Э.М. Мурзаев, который обосновал метод применения терминов географического характера для извлечения информации в области географии [Мурзаев 1995]. Ученый полагал, что именно благодаря топонимам можно получить информацию о географической среде, обозначив уникальность народных географических терминов. Фундаментальный труд

Э.М. Мурзаева «Словарь народных географических терминов», пожалуй, является одним из самых важных для топонимических исследований.

Важно отметить вклад Е.М. Поспелова [Поспелов 1977] в использование математических и картографических методов при изучении топонимических явлений. Широкая база теоретического материала представляется топонимическими работами В.А. Жучкевича [Жучкевич 1980], обозначившего основы топонимических исследований на региональном уровне.

Что же касается зарубежных работ в области топонимики, то наибольший интерес был представлен в XX веке. В некоторых европейских странах были созданы топонимические школы, которые существуют и на сегодняшний день. «Важный вклад в изучение географических названий различных регионов Земли внесли:

1. Во Франции: А. Доза, А. Шерпилё;
2. В Германии: Г. Краэ, М. Фасмер;
3. В Великобритании: А. Смит, А. Рум, С. Мэттьюз;
4. В Чехии: А. Профоуз, В. Шмилауэр;
5. В Польше: В. Тащицкий, Й. Сташевский, С. Роспонд, К. Рымут;
6. В США: Дж. Р. Стюарт, Н. Холмер (США)» [Ершова 2015: 78].

Таким образом, смысловое объяснение географических названий интересовало человечество еще на самых первоначальных этапах цивилизационного формирования. Однако, становление науки топонимики прошло долгий многовековой путь, начиная от выявления характерных принципов, и заканчивая появлением трудов, посвященных топонимике, как отдельной научной дисциплине. Стоит также отметить, что усилия представителей различных наук обусловили топонимике прочное место в системе научного познания. И сегодня, с появлением новой научной – интегративной – научной дисциплины – лингвокультурологии – топонимика предстает как исторически сложившийся результат взаимодействия языка и культуры (языков и культур), запечатлевший историю развития и межкультурных контактов этноса.

1.3. Проблема классификации топонимов

Одной из наиболее острых проблем топонимики является вопрос выработки непротиворечивых принципов описания ономастического материала, а также определение критериев классификации топонимов, антропонимов и других видов ономастической лексики, позволяющих выделить наиболее характерные признаки лексики такого рода.

«Исторически первая классификация была описана в работе Ф. Паляцкого в 1834 году. Им выделено 2 группы топонимов:

1) Топонимы, которые образованы от имен основателей или владельцев поселения;

2) Топонимы, которые образованы от топографического положения объектов, что, как видим, не демонстрирует наличия единого классифицирующего признака. Можно, тем не менее, предположить, что автор исходил из данных этимологических разысканий» [Жучкевич 1980: 102].

Использование лексико-семантического критерия имеет место также и в работе В. Ташицкого [Ташицкий 1961]. Следует отметить глубокую детализацию, присущую данной классификации. Так, водные объекты делятся на 7 групп:

1. *Топографические названия, образованные от:*

а) водных терминов,

б) свойств воды,

в) свойств почвы,

г) растительного мира,

д) положения по отношению к другим географическим объектам,

2. *Культурные названия,*

3. *Названия, производные от других географических названий:*

а) уменьшительные,

- б) от названия гор,
- в) от названий почвы,
- г) от названия населенного пункта и его частей,

4. *Названия, образованные от имен личных:*

- а) притяжательные прилагательные
- б) притяжательные существительные,
- в) производные от личных названий,
- г) названия, связь которых с личными названиями неясна,

5. *Родовые названия,*

6. *Названия иностранного происхождения,*

7. *Названия неясной этимологии.*

Названия гор, в свою очередь, – на 5 групп:

1. *Топографические названия, образованные*

- а) от названий горных терминов,
- б) от их строения,
- в) от особенностей почвы и склонов гор,
- г) от растительного мира,
- д) от оттенков местности,
- е) от положения по отношению к другим географическим объектам,
- ж) иные географические термины.

2. *Названия культурного характера,*

3. *Названия, производные от других географических объектов:*

- а) от горных терминов,
- б) от названий водных объектов,
- в) от названий почвы,
- г) от названий населенных пунктов и их частей.

4. *Названия, образованные от личных имен:*

- а) притяжательные прилагательные
- б) притяжательные существительные

5. Неясные названия.

Названия населенных пунктов по классификации, предложенной В. Ташицким, распределяются в соответствии с принципом, согласно которому все «топонимы делятся на 2 группы:

- 1) исконные названия местности,
- 2) названия, которые раньше были именами людей, а потом стали именами географических объектов.

Первая группа состоит из названий:

- а) топографических,
- б) культурных,
- в) притяжательных,
- г) уменьшительных» [Ташицкий 1961: 52-53].

Очевидно, что при всех достоинствах данной классификации, она грешит некоторым нарушением чистоты построения.

Вторая группа слов классифицируется нами не в соответствии с классификацией В. Ташицкого и состоит из родовых названий.

Например, при разграничении видов водных объектов одновременно используются и этимологический, и семантический, и словообразовательный критерии. На том же принципе построена классификация М.Н. Морозовой, которая выделяет 4 группы названий:

- 1) «местные названия, не происходящие от названий лиц,
- 2) местные названия, происходящие от названий лиц,
- 3) местные названия неопределенного значения,
- 4) местные названия неясного значения» [Морозова 1974: 84].

Однако, как и в двух предыдущих работах, здесь также отсутствует единый критерий классифицирования.

Классификация С. Роспонда, построенная по морфолого-словообразовательному принципу, делит топонимы на три группы:

- «I – примарные (без топоформантов);

II – секундарные (или деривативные), образованные при помощи суффиксов и префиксов;

III – составные» [Роспонд 1972: 50].

Примарные состоят из: отапельятивных и названий образованных от личных имен. Секундарные поделены на:

- а) префиксальные,
- б) суффиксальные,
- в) префиксально-суффиксальные.

«Составные топонимы образованы при помощи:

- а) сложения,
- б) сращивания,
- в) составления» [Роспонд 1972: 54].

В данной классификации, помимо деления по формантам, автор также проводит и семантическое деление. Однако вне классификации остались 5 групп слов:

- 1) названия-гибриды;
- 2) названия, образованные замещением;
- 3) названия-кальки;
- 4) названия, образованные агглютинацией;
- 5) названия образованные сокращением.

Классификация, представляющая интерес не только для языкознания, но также для географии и истории, была предложена В.А. Жучкевичем. В ее основу был положен этимологический критерий. Автор делит топонимы на 8 групп:

- 1) возникшие на основе природных признаков местности,
- 2) возникшие на основе социально-экономических понятий,
- 3) возникшие из признаков самого объекта,
- 4) названия патронимические,
- 5) мигранты,
- 6) топонимы религиозного и культового происхождения,

- 7) названия мемориальные,
- 8) этимологически не исследованные, и поэтому не отнесённые ни к одной группе [Жучкевич 1980].

Из предложенных выше классификаций становится понятно, что принципы классифицирования топонимов определяются прежде всего целью исследователя, но приоритетом пользуются два основных критерия:

- 1.) лексико-семантический
- 2.) морфолого-словообразовательный.

Таким образом, выработка единой классификации, которая смогла бы охватить все вопросы, связанные с топонимикой, в настоящее время достаточно сложна ввиду продолжения становления топонимики как науки. Сложность создания универсальной классификации объясняется неоднозначным отношением различных исследователей к этой проблеме, а также разными целями, которые ставятся к исследованиям. Идеальный вариант единой классификации должен носить тройственный характер, то есть представлять интерес не только для лингвистов, но также для географов и историков.

1.4. Лингвистическая культурология как отражение новых подходов в языкознании

На сегодняшний день культурологическая лингвистика – современная, активно развивающаяся область научных исследований. Своим возникновением она обязана, главным образом, работам американских языковедов, однако впоследствии приобрела своих приверженцев в европейских странах и в России.

Границы лингвокультурологии не включают в себя одну определенную научную дисциплину, так как она пересекается с иными научными направлениями. Именно междисциплинарный характер лингвокультурологии отража-

ет активное внедрение каких-либо фактов и экспериментальных данных из других наук, к примеру, из психологии, философии, социологии, политологии, этнографии и т.д.

Определяющая роль в этом комплексе, однако, принадлежит лингвистике, и наибольший вклад в становление и развитие данной области внесли и продолжают вносить именно лингвисты.

По существу, лингвокультурология возникла раньше, и конец 1980-х – начало 90 – х гг. – это период не зарождения ее, а расцвета, время выхода в свет многочисленных работ, выполненных в духе соответствующей идеологии.

Что касается её предпосылок, то конец XIX – начало XX в. – это время, когда семасиология (занимавшаяся в то время преимущественно вопросами лексического значения) еще не выделилась в самостоятельную дисциплину и оставалась тесно связанной с историей и психологией, соответственно описание семантической стороны языка осуществлялось с историко-этимологической или психологической точек зрения.

Характерной особенностью данного периода является так называемый атомистический подход – стремление на примерах из истории отдельных слов выявлять общие типы изменения значений, а при рассмотрении причин и природы этих изменений сосредоточивать внимание главным образом на внеязыковых факторах. Под влиянием идей ассоциативной психологии семантические изменения объяснялись через ассоциации, близость «представлений». Значения считались некими психологическими сущностями и не ограничивались принципиально от идей, понятий и представлений. Язык считался тесно связанным с психикой и не мыслился отдельно от других когнитивных способностей человека.

Принципы структурного подхода к языку были сформулированы в знаменитом «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра [Соссюр 1992]. Разумеется, невозможно в нескольких словах выразить суть целостной и глубокой концепции автора. Стоит ограничиться некоторыми положения-

ми, которые представляются важными с точки зрения истории развития лингвистической мысли. Ниже приводятся основные тезисы, по которым Соссюр противопоставил свое учение прежним теориям языка и которые, в свою очередь, оказали серьезное влияние на дальнейшую историю лингвистики:

1. Соссюр выдвинул новый взгляд на язык как на систему знаков, выражающих понятия, и на лингвистику как составную часть науки о знаковых системах – последнюю он предложил назвать семиологией;

2. Соссюру принадлежит требование разграничения «внутренней» и «внешней лингвистики», освобождения языкознания от посторонних влияний;

3. разделив язык и речь и противопоставив их по основаниям «социальное – индивидуальное» и «существенное – побочное, случайное», единственным объектом лингвистики в собственном смысле Соссюр считал язык;

4. В основе концепции Соссюра лежит взгляд на язык как на систему, представляющую собой сложный механизм и подчиняющуюся лишь своему собственному порядку. Выход в свет лекций Соссюра оказал огромное влияние на языкознание и привел к формированию структурной лингвистики – мощного направления, которому было суждено определить ход развития языкознания в XX в. В его основе лежали заложенные Соссюром принципы анализа языка как автономной, самодостаточной системы. Язык рассматривался структуралистами как иерархия уровней (фонологический, морфологический и т. д.), каждый из которых представлен набором единиц и правил, по которым образуются единицы следующего, более высокого, уровня [Соссюр 1992].

Структурный подход к описанию уровней языкового строя оказался весьма плодотворным в фонологии и с успехом применялся в морфологии. На более высоких уровнях языка, однако, исследователи столкнулись с серьезными трудностями, связанными с необходимостью учитывать смысловую сторону языка в ситуации, когда опыт систематических исследований значе-

ния еще не был накоплен. К тому же семантическая проблематика неизбежно выходит за рамки собственно языка, а это противоречит идее изучать язык «в самом себе и для себя». Как результат структурная лингвистика избегала анализировать значения и при этом наивно полагала, будто, минуя значения, можно построить убедительную теорию языка. За «эталон» уровней языка были взяты фонология и формально понятая морфология. Десятилетия спустя видный американский лингвист Уоллес Чейф назвал эту тенденцию «фонетическим креном» [Чейф 1975: 76].

Однако следует отметить, что европейский структурализм все же не исключал явным образом семантику из лингвистики, так как, по Соссюру, означаемое является составной частью знака. В США зарождение структурной лингвистики связано с книгой Леонарда Блумфилда «Язык» [Блумфилд 1968]. Структурализм распространяется в Америке, что вскоре приводит к его доминированию в мировом масштабе.

«Такой подход не мог иметь никаких реальных последствий для исследования значений и практически означал лишь то, что они изгонялись из языкознания и передавались в ведение психологии и физиологии, занимавшихся «внешними и внутренними стимулами» и «телесными реакциями». Скептическое отношение Блумфилда к значениям могла усилить и философия логического позитивизма, занимающая настороженную позицию по отношению к тому, что недоступно непосредственному наблюдению при помощи органов чувств» [Воркачев 2001: 1968].

Сегодня широк круг ученых, примкнувших к новому научному направлению, но на деле продолжающих свои исследования во вполне традиционном духе. Тем не менее, новая дисциплина уверенно отстаивает свой самостоятельный – интегративный – подход.

1.5. Лингвокультурема как единица лингвистического описания

Лингвокультурема – термин, введенный В. В. Воробьевым. Это комплексная межуровневая единица, которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания. В понимании В. В. Воробьева, лингвокультурема есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак.

Важное значение для понимания лингвокультуремы ученый придает глубинному смыслу, потенциально присутствующему в значении слова как элемент его содержания.

Данный термин представляется нам весьма значимым для описания топонима как знака, вобравшего в себя как языковые, так и культурологические особенности, отражая так или иначе историю этноса.

Изучение содержания лингвокультурем и особенно их значений, непосредственно отражающих внеязыковую действительность, может способствовать выяснению сущности взаимосвязей языка и культуры. Рассмотрение лингвокультуремы как основной единицы описания неизбежно должно включать обсуждение ее обеих сторон – содержания и формы выражения. При изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена. В отличие от слова и лексико-семантического варианта (ЛСВ) как собственно языковых единиц лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком.

Лингвокультурема, таким образом, это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово: слово (ЛСВ): знак – значение лингвокультурема: знак – значение – понятие/предмет. Слово соотносится с референтом (денотатом), «отсылается» к нему, лингвокультурема раскрывает его содержание как понятие (класса предметов). Первое – ограничивается реалемой, вторая –

отражает специфику и систематизацию реалий (их типов, разновидностей) внутри класса предметов, соотнесенных с определенным знаком.

Сходство и различия между словом (ЛСВ) и лингвокультуремой лежат в русле разграничения языкового и понятийно-предметного отражения объектов действительности, по А.А. Потебне выражается в том, что языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела. Так как говорится о всевозможных вещах, то без упомянутого ограничения языкознание заключало бы в себе, кроме своего оспоримого содержания, о котором не судит никакая другая наука, еще содержание всех прочих наук. Например, говоря о значении слова дерево, мы должны бы перейти в область ботаники, а по поводу слова причина или причинного союза – трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, – дальнейшим значением слова.

Дальнейшее (понятийно-предметное) значение дает более полное отражение объекта, проникает в его глубокое содержание и не является уже просто языковым намеком подобно обычному лексическому значению. Язык, его единицы выступают, таким образом, как формы выражения мысли: Таким образом, слово выступает как общепринятое в языковом коллективе, социально обусловленное средство намека («формы мысли»), на определенное внеязыковое содержание – понятие как научное и культурологическое отражение соответствующего предмета.

Содержание и характер соотношения составляющих лингвокультуремы становятся очевидными, если обратиться к концепции слова А.А. Потебни, опиравшегося в своих теоретических построениях на работы В. фон Гумбольдта. Согласно взглядам А.А. Потебни, развиваемым, прежде всего, в его труде «Мысль и язык», в слове «мы различаем внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и

внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня 1993 :160].

Внутренняя форма не только репрезентирует мыслительное, внеязыковое содержание (дальнейшее значение слова), но и, что особенно существенно для исследуемой лингво-культурологической проблемы, выражает национальную специфику слова и отражаемой им реалии культуры. Живая внутренняя форма передает восприятие предмета в его национальной специфике: это «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня 1993: 133] .

Возьмем простейший пример: существительное *круг*. Множество предметов, реалий, обозначаемых им, отражаются в его понятийном содержании, прежде всего, как часть плоскости, ограниченная окружностью. Это дальнейшее значение слова, то есть понятие, входящее в сложную систему понятий геометрических фигур; оно является смысловой опорой нескольких языковых значений более широкой предметной ориентации, но менее определенных, более «размытых» по своей семантике: «часть плоскости, ограниченная окружностью» и одновременно сама «окружность», а также расширительно – «участок земли, поверхности, приближающийся по форме к кругу», «танцплощадка», «сомкнутая цепочка людей», «предмет окружной формы или формы кольца», «замкнутая цепь действий, событий; перечень чего-нибудь», «область, сфера какой-нибудь деятельности», «часть спортивных соревнований», «группа людей, объединенных какими-либо связями», «общественные, профессиональные группировки людей».

Внутренняя форма как способ представления действительности в языке является носителем единства слова, средоточием его образности как языкового отношения к мысли, оказывающей прагматическое воздействие и выражающее неповторимую национальную специфику обозначаемого. Так, в сознании иностранца, изучающего русский язык, наряду с процессом запо-

минания значений русских слов все время коннотируется дополнительное представление: «это слова русского языка», «это русское» [Барт 1989: 16].

Будучи зависимы от социокультурного контекста, коннотативные смыслы, как правило, не фиксируются в толковых словарях, их распознавание зависит от кругозора интерпретатора.

Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, особую культурную коммуникацию, не только значение как намек, но и всю совокупность «культурного ореола».

Глубина представления, связанного со словом, то есть содержание лингвокультуремы находится в прямой связи с лингво-культурологической компетенцией носителей языка. Незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена. Языковой знак как одно из составляющих лингвокультуремы, то есть ее форма, сигнализирует не только ее «поверхностное», собственно языковое значение, но и «глубинное» содержание (смысл) как факт (элемент, сегмент) культуры:

Существенно подчеркнуть (и это обычно остается без достаточного внимания), что лингвокультуремы соотносятся по своему сходству и противопоставляются по своим различиям в отличие от собственно языковых единиц не только на «поверхностном», но и на «глубинных» уровнях. Их специфика в наибольшей степени проявляется именно в лингвокультурологическом плане, где объем дифференциальных признаков, учитываемых в смыслоразличительных оппозициях, несравненно больше, чем в собственно языковых дефинициях единиц.

В.М. Солнцев подчеркивает: «Различие между понятием и значением в том, что значение есть «упрощенное понятие», есть стабильное в понятии, тот минимум признаков понятия, который закрепляется за знаком языка и который необходим, чтобы данный знак приобрел общественную значимость» [Солнцев 1977: 111].

Восприятие глубокого лингвокультурологического смысла дает полное осознание реалии, а не просто знание «языкового ярлыка», который требует дальнейшей когнитивной расшифровки и знания реального «общения» с предметом. Смысл познания как перехода от значения-намёка к понятийному содержанию единицы (и через нее – к предмету культуры) предполагает постоянную взаимодействующую связь «значение – культурологический смысл». Эта связь – диалектическая, предполагающая противоречивое отношение языковых и внеязыковых компонентов лингвокультуры, их неравенство, различие, с одной стороны, и совпадение, тождество, с другой, в процессе познания объекта. Только таким образом и может происходить процесс «окультуривания» языковых единиц, ведущий изучающих язык в направлении от значения, «угадывания» – к знанию и включению знака-предмета в сеть культурных ассоциаций, свойственную той или иной нации.

Культурный фон «омывает» соответственно языковой знак в составе лингвокультуры как диалектического единства языкового и внеязыкового содержания. Из общей схемы лингвокультуры следует, что полное проникновение в объект, в его сущность, по отношению к которой слова языка суть лишь знаки – явления, невозможно без целостного осознания лингвокультурологической единицы и через нее того внеязыкового предмета (явления), которую она репрезентирует. Это осознание есть сложный диалектический процесс: переходит от языкового знака/значения к знанию факта культуры.

Языковое и внеязыковое содержания знака и равны, чтобы выполнять коммуникативную функцию единиц в составе высказывания, и не равны, так как вторые из них несравненно богаче, и в этом случае переход от первого ко

второму и есть бесконечный процесс познания (когнитивный аспект речевой деятельности как познания).

Глубинный смысл, потенциально присутствующий в значении как элемент его содержания, развертывается в смысловой сети культурно-понятийного содержания лингвокультуры. Степень понимания содержания реалий и концептов культуры (например, в общении носителя данного языка и представителей других языков и культур) в значительной степени зависит от согласования их знаний в определенной культурологической сфере, от степени совпадения их лингвокультурологических компетенций.

Для иностранца, плохо знающего русскую культуру, народные обычаи, праздники, танцы и др., представление о хороводе может ограничиться собственно языковым содержанием (сравним в словарях: хоровод – «народная игра – движение людей по кругу с пением и пляской, а также вообще кольцо взявшихся за руки людей – участников какой-нибудь игры, танца») и в лучшем случае быть связано со зрительным представлением (концерт, кино, телевидение и т.п.).

Следовательно, лингвокультуры:

- 1) имеют коннотативные смыслы и становятся знаками-функциями,
- 2) могут иметь несколько коннотативных означаемых,
- 3) могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих,
- 4) активно «живут» до тех пор, пока активно «живет идеологический контекст», их породивший.

Существенной стороной изучения и описания лингвокультур (наряду с их внутренней структурой) является их типология. Лингвокультуры имеют принципиально общее строение как единицы лингвокультурологического поля.

Несмотря на принципиально общее строение лингвокультурологические единицы имеют специфические формальные различия и свою таксономию. Лингвокультуремы обладают рядом признаков:

- 1) выражают имя поля (например, «русская национальная личность», «соборность», «красота» и т.д.),
- 2) имеют определенную структуру,
- 3) объединяются и дифференцируются по характеру источников.

Таким образом, лингвокультурема может быть представлена всего одним словом. Многие лингвокультуремы представляют собой словосочетание, одно из которых обычно указывает на общее содержание понятия, представленного в разных языках и культурах, а другое – на специфику в его пределах данной культуры лингвокультурема может представлять собой абзац (или несколько абзацев).

Наконец, следует обратить внимание на характер самого источника лингвокультурем. Таким источником по отношению к исследуемому объекту могут быть в первую очередь:

- 1) народное поэтическое творчество, которое является существенной частью национальной культуры русского народа, важным источником познания цивилизации и истории, отражением общественного сознания нации;
- 2) памятники истории и общественной мысли, а также специальные исторические, философские, социологические, литературоведческие, лингвистические, эстетические и другие исследования;
- 3) высказывания выдающихся деятелей науки, искусства и литературы, в которых запечатлены важнейшие оценки русской нации и национальные личности;
- 4) литературные произведения как вторичные моделируемые системы, в которых нашла художественное отражение русская национальная личность (типы и образы) и публицистика (особенно: отражение этапов развития русской национальной личности);

б) мысли и суждения иностранцев о русской нации и культуре как сопоставительный фон, оттеняющий специфику всего русского.

Таким образом, можно сказать, что лингвокультуремы реально существуют как единицы поля, а их иерархические отношения вырисовывают его структуру как взаимодействие элементов на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

На сегодняшний день разнообразие географических названий вызывает неизбывный интерес исследователей, поскольку такие номинации представляют собой не только факты языка, но и факты культуры, которые непосредственно связаны с этнокультурной историей того или иного региона. Изучение топонимических систем определенных находится в центре внимания целого ряда фундаментальных и прикладных исследований.

Следует отметить, что топонимы составляют важную часть в общественном развитии. Топонимическая система, характеризующая ту или иную локализацию – творческий результат народа. Итак, рассматривая топонимику в контексте современной науки, мы пришли к следующим выводам.

Смысловое объяснение географических названий интересовало человечество еще на самых первоначальных этапах цивилизационного формирования. Однако, становление науки топонимики прошло многовековой путь, начиная от выявления характерных принципов, и заканчивая появлением трудов, посвященных топонимике, как отдельной научной дисциплине.

Топонимия также может рассказать о характерных природных особенностях региона, сделать возможным реконструирование ландшафтов прошедших времен. Грамотное использование топонимических сведений географами может предоставить ценный материал для познания природных ландшафтов, характера хозяйственной деятельности населения, этнической принадлежности.

Выработка единой классификации, которая смогла бы охватить все вопросы, связанные с топонимикой, в настоящее время достаточно сложна ввиду продолжения становления топонимики как науки. Сложность создания универсальной классификации объясняется неоднозначным отношением различных исследователей к этой проблеме, а также разными целями, которые ставятся к исследованиям.

На сегодняшний день обозначились актуальные вопросы лингвокультурологии, которая выработала новый – интегративный – подход к языковым явлениям.

В ходе работы считаем целесообразным рассматривать топоним как лингвокультурему. Лингвокультурема в качестве комплексной межуровневой единицы представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания. Таким образом, она вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду», – устойчивую сеть ассоциаций, с подвижными границами. Важное значение для понимания лингвокультуремы ученые придают глубинному смыслу, потенциально присутствующему в значении слова как элемент его содержания.

Данный термин представляется нам весьма значимым для описания топонима как знака, вобравшего в себя как языковые, так и культурологические особенности, отражая так или иначе историю этноса и его межкультурные контакты.

ГЛАВА 2. ТОПОНИМИКА БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Для того чтобы выполнить словообразовательный анализ топонимов Белгородского района Белгородской области, необходимо установить способ словообразования данных номинаций, то есть выявить их структурно-генетические особенности ойконимов. При этом мы обращаем внимание не только на словообразующие базы, но и на топонимический формант. Таким образом, мы выявляем словообразовательный тип, в соответствии с которым этот топоним был образован.

В.А. Никонов считал легитимным обращаться к закономерностям собственных имен, ведь имя подчиняется законам языка в том же объеме, в котором языку подчиняются обычные слова. Именно поэтому мы должны сформировать понятийный аппарат, на основании которого можно исследовать топонимический материал с точки зрения словопроизводства.

Две неизменные составные части любого топонима – это топооснова и топоформант. *Топооснова* – компонент, который несет собой смысловую составляющую географического названия. *Топоформант* – компонент, который принимает участие в построении топонима.

Отметим, что посредством морфологического способа словообразования образуется большинство топонимов, а топонимикон Белгородского района отражает характерные особенности русской системы топонимов в целом.

Общеизвестно богатство русской аффиксации. Как показал наш материал, аффиксация оказалась преобладающим способом словообразования топонимов Белгородского района Белгородской области.

Рассмотрим подобные образования подробнее, исходя из принципа, согласно которому всякий фактический материал требует строгой классификации.

2.1. Ойконимы, мотивированные именами существительными

2.1.1. Ойконимы, основы которых восходят

к каноническим именам

Можно утверждать, что топонимы зачастую мотивированы антропонимами. Среди них есть ряд канонических. Название *канонические календарные имена* они получили благодаря тому, что многие личные имена в прошлом включались в святцы.

Примечательно, что женских канонических имен гораздо меньше, чем мужских, это связано с тем, что в календари попадали по большей части имена священнослужителей первых мужских монастырей.

От календарных канонических имен, выступающих в качестве словообразовательных баз, в свою очередь, образовывались не только фамилии, но и географические наименования.

При этом при образовании фамильных антропонимов использовались определенные суффиксы. Принято считать суффиксы *-ов*, *-ев* самыми распространенными патронимическими суффиксами. Подобным же образом могли возникать и топоноимования. В этой связи можно считать указанный суффикс многозначным, точнее – двусемантическим.

В.А. Никонов утверждал, что основная ось русской топонимии отделяет северную половину Европейской части России, где господствуют суффиксы *-ов/-ев*, от южной части России, где преобладает суффикс *-ка*.

(Варвара + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Варваровка

(Наум + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Наумовка

(Николай + суфф. -ев) + суфф. -к => с. Николаевка

(Петр + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Петровка

Мы классифицируем имеющиеся наименования по грамматическим родам – мужскому, среднему и женскому.

В то же время встаёт вопрос: от личного имени образуется топоним или от фамильного антропонима? Ответ на этот вопрос важен, так как в двух разных случаях речь будет идти о двух разных способах словообразования – морфологическом: *Петр* + *-ов* > *Петров* (хутор *Петра*, хутор, где жил некий *Петр*) – или неморфологическом: *Петров* (фамилия) > *Петров* (хутор, то есть хутор, где жил человек по фамилии *Петров*). Такие фамилии образованы на русской почве с помощью восточнославянских патронимических суффиксов *-ов/-ев*, что дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Варваров*, *Наумов*, *Николаев*, *Петров*.

Таким образом, на наш взгляд, не всегда речь идет о полисемантическом суффиксе *-ов/-ев*. В большинстве случаев топонимы восходят не непосредственно к личному имени (*Наум*, *Варвара* и т.п.), а к фамильному антропониму, возникшему на базе таких имен: *Наумов* + *-к* => с. *Наумовка*. Таким образом, суффикс *-ов* не является топонимическим, а заимствуется топонимом от производящего фамильного антропонима.

2.1. 2. Ойконимы, основы которых восходят к фамильным антропонимам с неканонической базой

«Ойконимы данной тематической группы выражают значение принадлежности, так как образованы от имен, прозвищ или фамилий владельцев жителей селений или имеют фитонимическое значение» [Жиленкова 2012: 68].

а) Ойконимы, в основы которых входят суффиксы *-ов/-ев*, *-к*.

(*Арап* + суфф. *-ов*) + суфф. *-к* => с. *Араповка*

либо:

Арап + суфф. *-ов* + суфф. *-к* => с. *Араповка*

В имеющихся исторических документах говорится, что Араповка находится при речке Дуванке – слобода владельческая в 35 верстах от уездного города и 40 верстах от становой квартиры. Можно полагать, что здесь имели место торговые или военные контакты с тюркскими народностями, так как само слово *арап* заимствовано русскими из турецкого или татарского языков.

Основа данного ойконима образована от некалендарной именной основы *Арап*, которая заимствована из тюркского языка, где слово означало национальность – «араб» [[Фасмер I, 1967: 83]]. Фамилия *Арапов* образована с помощью восточнославянского патронимического суффикса *-ов*, что дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Арапов*. В то же время не исключено, что топоним восходит непосредственно к слову *арап*, тогда следует говорить о двойной суффиксации.

По модели «фамильный антропоним > ойконим» образован целый ряд топонимов Белгородского района. Приведем примеры.

(Бессон + суфф. -ов) + суфф. -к => с.Бессоновка.

По мнению старожилов данного сельского поселения, основателем явился помещик Йост *Бессонов*. Припоминают, что через село шли разнонациональные переселенцы, которые впоследствии и остались жить на этой земле. Основа данного антропонима **образована** от некалендарной именной основы *Бессон*, которая является славянской и была образована от «охранительного имени *Безсон* [Унбегаун 1989: 95] . Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Бессонов*.

Болдырь + суфф. -ев + суфф -к с. => Болдыревка

Данный ойконим образован от фамилии *Болдырев* с некалендарной именной основой, которая заимствована из монгольского языка, где слово означало «ребенок от смешанного брака» [Фасмер I, 1987: 400]. Восточно-

славянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Болдырев*.

(Вергилий + суфф -ев) + суфф. -к => с. Вергилевка

Данный ойконим образован от фамилии *Вергилев* с некалендарной именной основой, которая заимствована от римского родового имени *Vergilius*. Значение имени не ясно, «возможно, от лат. *virga* – "ветвь, побег; палка"» [Фасмер 1987: 415]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Вергилев*.

(Журавль + суфф -ев) + суфф. -к => с. Журавлевка

Название села, которое образовалось в 1640 году, имеет различные версии возникновения. Первая версия восходит к факту наличия луговой местности, которая привлекала стаи журавлей. Вторая версия возникновения аналогична предыдущим: село принадлежало зажиточному помещику *Журавлеву*. И эта версия более убедительна.

Данный ойконим образован от фамилии *Журавлев* с некалендарной именной основой, которая является славянской и была образована от «прозвища длинноногого человека: *Журавок, журай* в народных говорах – «журавль» [Фасмер 1987: 424]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Журавлев*.

(Карнаух + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Карнауховка

Данный ойконим образован от фамилии *Карнаухов* с некалендарной именной основы *Карнаух*, которая является славянской и была образована от «наименования человека с отрезанным или изуродованным ухом» [Унбегаун 1989: 113], то есть 'короткоухий', ср. разг. слово *обкорнать*. Далее аканье изменило гласную корня О на А: *Карнаух*. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Карнаухов*.

Малина + суфф. -ов + суфф. -к => п. Малиновка

Ю.М. Зуева полагает, что населенный пункт возник так: «на пустырь, расположенный недалеко от железнодорожной станции, привезли деревянный домик, символизирующий контору Комсомольского отделения совхоза. Вскоре было построено несколько домов для рабочих. Вместе с плотниками на стройке работали приезжие сезонные женщины. Одна из них сказала: «Вот построим жилье, приедут рабочие – здесь будет не жизнь, а малина!». Так и прозвали в народе село – *Малиновка*», но мы придерживаемся мнения, что данный ойконим образован от фамилии. Хотя путь, предлагаемый Б. Унбегауном, кажется нам здесь маловероятным: *Малинов* – от некалендарной именной основы *Малина*, которая является славянской и образовалась от название ягоды – «малина» [Унбегаун 1989: 163]. Однако, как известно, от имен на *-а* женского рода образовывались русские фамилии с суффиксом *-ин*, а не *-ов*.

В этой связи путь образования данного ойконима может быть более сложным: *Малина + -ин => Малинин (фамилия) + ов + к => Малининовка > Малиновка* (редукция слога).

(Недоступ + суфф -ов) + суфф. -к => с. Недоступовка

Данный ойконим мог быть образован от фамилии от *Недоступов* с некалендарной основой, которая является славянской и «восходит к прозвищу дальнего предка по мужской линии. В лексике древнерусских говоров словом «недоступ» называли человека, делавшего короткие шаги, отстающего в ходьбе» [Фасмер 1987: 512]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Недоступов*.

(Нехотей + суфф. –ев) + суфф. -к => х. Нехотеевка

Если обратиться к времени образования данного хутора, можно заметить, что он возник после *Журавлевки*, по велению графини Шереметьевой. Люди отправлялись на возделывания земель графини принудительно, поэтому и хутор получил такое название. Восходит название к форме «нехоть»,

которая обозначает «без желания» [Фасмер 1987: 519]. Однако возможно, что сначала возникла фамилия *Нехотеев*, а уже от неё образовался ойконим.

(Нечаев+ суфф. -ев) + суфф. -к => с. Нечаевка

Данный ойконим образован от достаточно распространенной фамилии *Нечаев*, восходящей к некалендарной основе, которая является славянской и образована от так называемого «охранительного» имени *Нечай* [Унбегаун 1989: 210]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Нечаев*.

(Орел+ суфф. -ов) + суфф. -к => с. Орловка

Данный ойконим образован от фамилии *Орлов* от некалендарной основы *Орел* которая является славянской и исторически «связана с культом птиц у славян» [Унбегаун 1989: 273]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Орлов*.

(Пуляй+суфф. -ев)+ суфф. -к => с.Пуляевка

Данный ойконим образован от фамилии *Пуляев* с некалендарной основой, которая является славянской. «Такое прозвище могли дать человеку с соломенным цветом волос или ребенку, отличавшемуся хрупким телосложением» [Унбегаун 1989: 386]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Пуляев*.

(Солнце+суфф. -ев) + суфф. -к => с. Солнцевка

Данный ойконим образован от фамилии *Солнцев* с некалендарной основой, которая является славянской. «Такое прозвище мог получить открытый, добродушный и справедливый человек, всеми любимый и почитаемый» [Унбегаун 1989: 407]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Солнцевка*.

(Соловей+ суфф.-ев) + суфф -к => с.Соловьевка

Данный ойконим восходит к фамилии *Соловьев* с некалендарной основой *Соловей*, которая является славянской. «Давая младенцу такие имена, как, например, *Соловей*, родители хотели, чтобы природа воспринимала ребёнка как своего, чтобы к нему перешли те полезные качества, которыми наделён избранный представитель животного или растительного мира» [Унбегаун 1989: 409]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ев* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Соловьев*.

(Хвостов + суфф. -ов) + суфф -к => с. Хвостовка

Данный ойконим образован от *Хвостов* с некалендарной основой *Хвост*, которая является славянской. «Хвостом зачастую именовали и младшего по возрасту или должности члена некой группы, бригады, отряда, во всем исполнявшего роль помощника, перенимавшего у товарищей или наставников знания и опыт» [Унбегаун 1989: 445]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Хвостов*.

(Шагаров + суфф. -ов) + суфф -к => с. Шагаровка

Данный ойконим образован от фамилии с некалендарной основой *Шагар*, которая является тюркской. «Возможно, фамилия *Шагаров* восходит к личному имени родоначальника *Шайгарай*, образованному от слов «шах» и «гарай», что означает «доверенное лицо шаха» [Унбегаун 1989: 473]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Шагаров*.

Щетина + суфф -ов + суфф. -к => с. Щетиновка

«Село *Щетиновка* основано при Петре I. Ранее село носило название Высокое Щетиново топи Белгородской волости, Белгородского уезда. Легенды с названием села различны. Одна из них, которая чаще встречается среди старожилов, такова: «Высокое» потому, что село окружает лес, который но-

сил и носит название Высокий, а *Щетиново* – из-за щетины, которая продавалась в селе на ярмарках и славилась в округе» [Зуева 2016: 15]. В этом случае ойконим образован не от фамилии *Щетинов* с некалендарной основой, а восходит к нарицательному существительному *щетина*.

Ряд топонимов **среднего рода** образован также по единой устойчивой модели. Рассмотрим данные ойконимы.

(Береза + суфф. -ов) > Березов (фамилия) => с. Березово

Данный ойконим, вероятно, образован от фамилии *Березов* с некалендарной именной основой *Береза*, которая является славянской и восходит к наименованию дерева *береза* [Фасмер 1987: 211]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Березов*.

Кисель + суфф. -ов => с. Киселево

Селение это начиналось на высоком правом берегу Северского Донца, у подножия меловой горы. Данный ойконим образован от фамилии *Киселев* с некалендарной именной основой, которая является славянской и восходит к наименованию *кисель* [Фасмер 1987: 292]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Киселев*.

Мясоед + суфф. -ов => с. Мясоедово

Данный ойконим образован от фамилии *Мясоедов*, восходящей к некалендарной именной основе *Мясоедов*, которая является славянской. «Возможно, предок-основатель данной фамилии держал мясной скот» [Унбегаун 1989: 373]. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Мясоедов*.

Рак + суфф. -ов => с. Раково

Данный ойконим образован от фамилии *Раков* с некалендарной именной основой *Рак*, которая является славянской и восходит к имни нарица-

тельному *рак* [Фасмер 1987: 316] . Благодаря патронимическому суффиксу -*ов*, предполагаем принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивированным словом: *Раков*.

Салтык + суфф. -*ов* => с. *Салтыково*

Данный ойконим образован от *Салтыков* с некалендарной именной основой, которая является татарской и восходит к наименованию *салтык* – «прозвище на Руси переводчиков» [Фасмер 1987: 346] . Восточнославянский патронимический суффикс -*ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Салтыков*.

Сеvрюк + суфф. -*ов* => с. *Сеvрюково*

Данный ойконим восходит через фамильный антропоним к некалендарной именной основе *Сеvрюк*, которая указывает на жителей или выходцев из Северской земли и является славянской [Фасмер 1987: 357] . Восточнославянский патронимический суффикс -*ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Сеvрюков*.

Тавро + суфф. -*ов* => с. *Таврово*

Данный ойконим восходит через фамильный антропоним к нарицательному слову *тавро* или к некалендарной именной основе *Тавр*, которая была заимствована из тюркского языка. «Тавро – знак, которым коннозаводчики отмечали своих лошадей. Наследовался тавро подобно фамильному гербу, и изменялся в редких случаях. В таком случае прозвище *Тавр* мог носить человек, у которого была та же «метка», что и у его родителей» [Унбегаун 1989: 574] . Есть и другая версия происхождения названия данного поселения: коренные жители были выходцами из *Таврии* (Николаевская область, Украина). Восточнославянский патронимический суффикс -*ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Тавров*.

Хохол + суфф. -*ов* => с. *Хохлово*

Принято считать, что первое упоминание о селе относится к 1646 году, в этом году царским указом было послано около 40 семей для образования села. «В 1917 году в селе установлена Советская власть, организован комитет крестьянской бедноты, был избран сельсовет. В 1930 году в селе Хохлово организован колхоз» [Зуева 2016: 10]. Данный ойконим восходит через фамильный антропоним к некалендарной именной основе *Хохол*, которая является славянской и восходит к прозвищу «*хохол*». «Оно давалось человеку, носящему чуб, хохол на голове. Соответственно, данное прозвище указывало на особенности внешности предка» [Унбегаун 1989: 589], затем наименование превращается в разговорный этноним. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Хохлов*.

Ястреб + суфф. -ов => с. Ястребово

Данный ойконим восходит через фамильный антропоним к некалендарной именной основе *Ястреб*, которая является славянской и восходит к наименованию птицы *ястреб*. Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Ястребов*.

Таким образом, ойконимы, восходящие к фамилиям, образованным с помощью патронимических суффиксов *-ов/-ев*, с участием суффикса *-к*, представляют обширную группу ойконимов Белгородского района. Количество таких ойконимов – 41 наименование, при этом производящие фамильные основы образованы от канонических и неканонических имен. В процентном отношении это составило 53% от общего количества фактического материала.

При исследовании представленных ойконимов мы обратили внимание, что наличие ойконимического суффикса *-к* указывает на род образуемых ойконимов. В том случае, если суффикс *-к* присутствует, наименования образуются по модели образования женского рода.

В остальных случаях для определения рода ойконима мы обращаем внимание на грамматическую связь с общей номинацией (*село* – ср.р., *хутор* – муж.р.), например: село *Ястребово*.

Также следует поставить под сомнение, что суффиксы *-ов/-ев* являются ранними топоформантами, как утверждают некоторые исследователи. Первоначально они имели значение принадлежности и соединялись с антропонимическими основами и основами нарицательных существительных лица. Включившись в топонимическую систему, эти суффиксы не утратили значение принадлежности и не стали выступать как топоформанты для образования географических названий, а сохранили их в составе производящей основы. В этой функции они расширили характер словообразовательных связей и стали соединяться не только с указанными выше основами, но и с основами других семантических групп мужского и среднего рода, более свободно образуя топонимы.

б) Ойконимы, образованные посредством суффикса –ин.

Суффикс -ин выступает в значительном количестве белгородских ойконимов. Этот суффикс является одним из самых древних формантов славянства, тесно связанный с суффиксом принадлежности, на что, в частности, указывает В.А. Жучкевич. В нашем материале данный формант проявляет большую активность. Часть ойконимов связана с личными именами русичей периода распространения имен канонических, при участии сокращенных, аффилированных или эллиптированных их форм.

Голова + суфф. -ин => Головин => с. Головино

Полной определенности в истории названия этого старого русского села нет. Некоторые считают, что оно связано с большими оврагами и рудниковыми ручьями: «*голова*» – начало оврага, реки, ручья. Данный ойконим восходит через фамильный антропоним к основе некалендарного прозвищного имени *Голова* славянского происхождения, в основе которого – существительное «голова». Ойконимический суффикс *-ин* в данном случае имеет значение принадлежности к чему-либо или кому-либо, как в нашем случае.

Долбня + суфф. -ин => Долбин => с. Долбино

Имеем сведения: «Первожители Долбино занимались земледелием и ремеслами. Одним из таких ремесел было умение делать долбленые лодки из толстых бревен. Отсюда произошло название села» [Зуева 2016: 8]. Данный ойконим образован от фамилии *Долбин* – от некалендарной именной основы славянского происхождения. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля есть слово *долбня*, т.е. «колотушка, чекмарь, род большого деревянного молота или чурбан с вытесанною рукоятью, трамбовка» [Даль 1909: 134]. В данном случае *Долбнѣй* могли прозвать, например, плотника, работника по дереву. Ойконимический суффикс *-ин* в данном случае восходит к патронимическому, который имеет значение результата или орудия действия.

Солома + суфф. -ин => Соломин => с. Соломино

Данный ойконим образован от фамилии *Соломин* с некалендарной именной основой *Солома* славянского происхождения, в основе которой лежит существительное «солома». «В этом прозвище отразилась черта внешнего облика человека (например, светлый, соломенный цвет волос)» [Унбегаун 1989: 600]. Ойконимический суффикс *-ин* в данном случае восходит к патронимическому, который имеет значение принадлежности к чему-либо.

с. Шишино => Шиш + суфф. -ин

Данный ойконим образован от фамилии с некалендарной именной основой – *Шишин* – славянского происхождения, в основе которой лежит существительное «*шиш*» – «заостренная верхушка чего-либо, остроконечный или стоящий торчком предмет» [Фасмер 1987: 392]. Ойконимический суффикс *-ин* восходит к патронимическому, который имеет значение принадлежности к чему-либо.

Таким образом, ойконимический суффикс *-ин* восходит к патронимическому, который может указывать не только на значение производящих наименований, но и на их род или склонение – имена на *-а*. При исследова-

нии данных ойконимов мы также обращаем внимание на грамматическую связь с общей номинацией (*село – ср.р.*), например: *с. Шишино*.

2.1.3. Ойконимы-прилагательные, образованные от нарицательных имен существительных

На наш взгляд, данные ойконимы оформляются как прилагательные непосредственно в процессе образования слова, а не заимствуют статус прилагательного от производной основы.

Приведем примеры подобных образований.

а) Ойконимы, образованные от нарицательных существительных при помощи суффикса –ов.

п. Дубовое => Дуб + суфф. – ов

Данный ойконим образован по модели прилагательного от существительного *дуб* славянского происхождения. «Имя поселку дал, конечно, патриарх русских лесов. Здешние дубравы известны давно, особенно знаменит старинный дуб в низине на окраине поселка; дерево объявлено памятником природы и взято под госохрану. Поселок же молод. «До 1917 года дубовские земли принадлежали помещику (очевидно, Говорухе-Отроку. – Б.О.), имение которого располагалось в селе Таврово» [Осыков 2015: 74].

Дубовое – посёлок, расположенный к югу от Белгорода, практически влившийся в его границы, с населением около 10 тысяч человек. Своё название получил от знаменитого дуба трёхвековой давности, посаженным здесь в ещё в середине 17 века князем Ромодановским и гетманом Богданом Хмельницким в честь воссоединения Украины с Россией и до сих пор являющим миру свою древнюю красоту и мощь. Правда, факт, что именно этот дуб был посажен известными людьми, весьма спорен. Но то, что дубу более 350 лет, сомнений нет. Дуб является памятником природы и охраняется государством.

Село Дубовое возникло в 50-ые годы прошлого века, когда было принято решение создать плодово-ягодное хозяйство на месте разрушенных после смерти Сталина женских лагерей для репрессированных. В первые, построенные в селении дома, въехали люди из землянок, расположенных рядом со знаменитым дубом. Ойконимический суффикс – *ов* в данном случае имеет значение наименования, сделанного из того или иного материала или относящегося к чему-то.

с. Лозовое => *Лоза* + *суфф.* – *ов*

Данный ойконим образован от существительного *лоза* славянского происхождения. Населенных пунктов с названием *Лозовое* и подоб. достаточно много на Украине и в России. Так, к примеру, одноименные населенные пункты расположены в Хмельницком районе Винницкой области, Дергачевском районе Харьковской области, Сосницком районе Черниговской области; в Тамбовском районе Амурской области и Белгородском районе Белгородской области.

Здесь можно предположить несколько путей возникновения ойконима. С одной стороны, в данной местности могло произрастать много растений такого рода: *лоза* – 1. Тонкий, длинный и гибкий стебель некоторых кустарников, преим. винограда и т.н. корзиночной ивы. Ойконимический суффикс – *ов* в данном случае имеет значение наименования, основанного на характерной черте местности, к которой относится наименование.

С другой стороны, широко известна фамилия *Лозовой*. «Таким образом, предок фамильного рода *Лозовых* мог владеть землей или арендовать участок в *Лозовой/Лозовом*. Прозвание *Лозовой* во время переписи населения мог получить и «рядовой» житель одного из указанных поселений. Под данным прозвищем могли записать работника, выходца из *Лозовой/Лозового*, приехавшего в соседний город на заработки, либо, напротив, того, кто из другой деревни ездил в одно из этих селений на летнюю страду или завод.

В то же время, имеется вероятность, что прозвание *Лозовой* являлось для зачинателя рода нецерковным, «мирским» именем и служило указанием

на сферу его профессиональной деятельности. В таком случае данное прозвище произошло от старинного слова «*лозовый*», употреблявшегося в лексике славянских говоров для обозначения изделия, сплетенного из лозы. Следовательно, именованьем *Лозовой* могли величать ремесленника, занимавшегося плетением из ивового прута. Такие умельцы в старину ценились «на вес золота», ведь многие предметы древнерусского обихода изготавливались именно из *лозы* – лукошки и хозяйственные корзины, сундуки и кресла, лапти и домашние обереги. Хороший «лозовой» мастер, изделия которого служили хозяевам долго да глаз радовали, пользовался в народе большим уважением, а потому и прозвище, данное родоначальнику, быстро приживалось в применении к его потомкам» [<https://www.analizfamiliii.ru/Lozovoy/proishozhdenie.html>].

В пользу древности названия свидетельствует то, что «Лозовое указано на «Карте поселений Белгородского уезда в 1678 году» [Осыков 2015: 43].

Таким образом, группа ойконимов, представляемая прилагательными от производных основ с различными суффиксами выражена 13 наименованиями, что составляет 16,7% исследуемого фактического материала.

Ойконимические суффиксы данных ойконимов (*-ов/-ян/-н*) указывают на наименования, сделанные из того или иного материала или относящиеся к чему-то.

При исследовании данных ойконимов мы обращаем внимание на грамматическую связь с общей номинацией (*село – ср.р.*).

б) Ойконимы, образованные посредством суффикса –н.

Данная группа отыменных ойконимов образуется по типу имен прилагательных. При этом род топонима определяется согласованием с общим термином (*село, поселок, хутор*).

Алмаз + суфф. – н => х. Алмазный

Данный ойконим образован от непроизводной основы *алмаз* неславянского происхождения. Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет

значение признака или свойства, относящегося к предмету, названному исходным словом.

Бытует мнение, что «в Белгородском уезде одна из помещиц, видимо, большая поклонница драгоценных камней, самые любимые из них запечатлела в названиях принадлежавших ей хуторов» [Осыков 2015: 4]. Заметим, что мода на такие наименования, по-видимому, была широко распространена у тогдашней знати. Так возникали и фамильные антопонимы, например Прасковья *Жемчугова*, в замужестве графиня Шереметева, сначала была крепостной актрисой в крепостной театре графа, где и получила от графа такую фамилию.

Грязь + суфф. – **н** => с. *Грязное*

Данный ойконим образован от непроизводной основы существительного *грязь* славянского происхождения. Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к явлению, названному исходным словом. «Многие краеведы полагают, что в названии «*Грязное*» отозвались «особенности грунта». Спору нет, черноземная грязь Белогорья – всем грязям грязь...» [Осыков 2015: 9]. Об образовании данного села можно судить по материалам архивного документа 1880 года: «Старики слышали от своих отцов, что первоначально село их было основано 7-ю дворами из Орловской губ., но потом кроме естественного прироста населения, к ним при-ходили и сходцы из других деревень и областей, которых они охотно принимали в свое общество» [Осыков 2015: 13].

Лес + суфф. – **н** => х. *Лесной*

Данный ойконим образован по модели прилагательного от основы непроизводного существительного *лес* славянского происхождения. Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к месту, названному исходным словом.

Отрада + суфф. – **н** => с. *Отрадное*

Данный ойконим образован либо от производной основы прилагательного *отрадный* славянского происхождения, в основе которого лежит суще-

ствительное *отрада*, либо непосредственно восходит к существительному *отрада*, обозначающему старую форму наименования зажиточных хозяев. Грамматическое оформление ойконима (сред. род) обусловлено согласованием с общим наименованием *село*.

Пушкарь + суфф. – **н** => с. *Пушкарное*

Данный ойконим представляет собой прилагательное с производной основой слова *пушкарь* славянского происхождения, обозначающего старинное название русского артиллериста. Грамматическое оформление ойконима (сред. род) обусловлено согласованием с общим наименованием *село*.

«Пушкарное – село Белгородской области Белгородского района возникло как слобода *пушкарей* города-крепости Белгородской черты» [Осыков 2015: 45], ср. наименования Драгунское, Стрелецкое, которые возникли на основании того же признака принадлежности населенного пункта служивому сословию.

Разум + суфф. – **н** => п. *Разумное*

Свое название данный ойконим получил по р. *Разуменка*, которая здесь протекает. «Заселенная часть Белгородского уезда располагалась в промежутке между двумя татарскими дорогами – Муравской и Изюмской – в верховьях Северского Донца... К югу от Сажного стана по р. *Разумной* находился *Разумницкий* стан...» [Осыков 2015: 63]. По свидетельствам документа 1884 года можно предполагать дату основания данного села: «К какому времени следует отнести основание села – неизвестно; при перестройке церкви, когда сняли с нее крест, то видели на нем надпись, по которой значилось, что церковь основана была 280 лет тому назад» [Осыков 2015: 64].

Сам ойконим образован по модели прилагательного от основы существительного *разум* славянского происхождения. Что касается гидронима, восходящего к слову *разум*, то «экстралингвистически это вполне возможно обосновать: шум воды древние могли интерпретировать как голос, речь духа, обитающего в воде. <...> Универсальность использования воды в качестве атрибута гаданий о судьбе актуализирует понятийную связь образа с ведов-

ством (ср.: *волхвы* – древнерусские языческие жрецы, предсказатели, способные предсказывать судьбу, – и новгородский гидроним *Волхов*)» [Кошарная 2002: 181-182], с чем были связаны обрядовые гадания «по воде».

Грамматическое оформление ойконима *Разумное* (сред. род) обусловлено согласованием с общим наименованием *село*.

Репа + суфф. – **н** => *с. Репное*

Данный ойконим образован по модели прилагательного *репный* славянского происхождения, в основе которого лежит существительное *репа*. Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к месту, названному исходным словом. В данной местности, по-видимому, произрастало данное растение. Согласно материалам словаря В.И. Даля, *репой* на Руси назывался, во-первых, всем известный кормовой овощ и, во-вторых, травянистое растение (*сурепка, сурепица, репа, репица*). Заметим, что аналогичное наименование – *Репное* – имеется и в Воронежской области. Сначала воронежское селение называлось «*деревня на Репной поляне*», затем – «*деревня Репная Поляна*» и, наконец, – «*село Репное*». В.П. Загорский считает, что первые жители Воронежа (или еще раньше рязанские промышленники) назвали поляну «Репной» именно потому, что она заросла таким диким растением, а не кормовой репой. Ведь название поляне было дано до возникновения поселения: это видно хотя бы по первому наименованию деревни» [Топонимический словарь Воронежской области // <http://www.край36.рф/index.php/80-toponimika/77-toponimy-voronezhskoj-oblasti-r-ya>].

Можно предположить тот же путь формирования и для белгородского ойконима. О названии данного села свидетельствует архивный источник 1886 г.: «Первым заимщиком был Исай Андреев или, «по уличному», Чаус. Он был дворянин, дрался с татарами на Донце, недалеко от пристани, за что и получил от Царя пожалование землею. У него было два сына, которые не захотели служить в царском войске, по примеру отца, вследствие чего и лишились дворянства. Старый Чаус рассердился на них, выгнал их из дома и стал

«мотать» свое имущество: «Я, дескать, нажил, я и проживу». Сыновья, выгнанные из дома отцом, поселились неподалеку в урочище *Репном*, выкопали здесь землянку и жили так до смерти отца. Отсюда и пошло название села – *Репное, Чаусовка*. Фамилия всех крестьян села одна – Чаусовы, потому что коренные владельцы чужих никого на отцовскую землю не принимали» [Осыков 2015: 71].

Грамматическое оформление ойконима (сред. род) вновь обусловлено согласованием с общим наименованием *село*.

Север + суфф. – н => п. Северный

Данный ойконим образован по модели прилагательного *северный*, которое восходит к существительному *Север/север* славянского происхождения. Название дано по местоположению населенного пункта, который находится в 0,5 км к *северу* от г. Белгорода. Суффикс ойконима *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к месту, названному исходным словом. Грамматическое оформление ойконима (муж. род) вновь обусловлено согласованием с общим наименованием *поселок*.

Название это довольно позднее. «В 1947 году рабочие отделения из сел Оскочное, Ерик, Шишино возвели первые жилые и хозяйственные постройки, получившие название «Островок». С 1952 года началось строительство индивидуальных домов <...>. В 1958 году была открыта начальная школа. В 1956 году поселок становится центром хозяйства «Откормсовхоз», образованного на базе «Заготскота». Специализацией его стало не только производство мяса, но и молока. В 1968 г. <...> поселок «Заготскотооткорм» наименован в Северный. 20 декабря 2004 года <...> на территории посёлка образовано муниципальное образование со статусом городского поселения «*Посёлок Северный*» [Осыков 2015: 74].

Толокно + суфф. – н => с. Толоконное

Данный ойконим образован по модели прилагательного *толоконный*, производного от существительного *толокно* восточнославянского происхождения, обозначающее наименование муки из поджаренного очищенного

овса. Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к предмету, названному исходным словом: по видимому, в этой местности занимались производством толокна. Документы подворной переписи свидетельствуют об обширных наделах земли данного села: «Надел 254 десятины «глубокого чернозема, поля бугроватые», в т.ч. 247 дес. усадебной и пахотной и 5 дес. сенокосной» [Осыков 2015: 78] .

с. Черемошное => Черемша + суфф. – н

Данный ойконим образован от основы существительного *черемша* польского происхождения (*trzemucha*). Название обусловлено большим количеством растущей в свое время здесь *черемши* (дикий чеснок). Естественно, со временем черемши не стало, а название осталось. «Основано в 1791 году... В 1837 году – «село Черемошное на 4 горах, а в логу деревянная церковь, по преданию более 200 лет построенная: в Черемошном считается 211 душ». До отмены крепостного права в селе Черемошном Белгородского уезда кроме государственных крестьян были крепостные княгини Волконской и еще пяти помещиков» [Осыков 2015: 82]. Первый житель – помещик Дьяков. К нему часто приезжал А.А.Фет. Именно в этом поселке было написано стихотворение «Сияла ночь, луной был полон сад...». Теперь в этом памятном месте раскинулся красивый и добротный поселок.

Ойконимический суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к месту, названному исходным словом.

в) Ойконимы, образованные посредством суффикса –ск-

Некоторые из видов топонимов служат примером своеобразной разобщенности семантической и структурной производности. Так, топонимы с суффиксом *-ск* структурно соотносятся с соответствующими прилагательными, а семантически нередко с названиями природных объектов или антропонимами. Вот почему одни лингвисты возводят их к существительным, другие – к прилагательным.

Этот формант, как указывают М.В. Горбаневский и Г.П. Смолицкая, «...почти повсеместно выражает чисто топонимические отношения: отноше-

ние названия селения к лицу, к географическому объекту, к пространственному понятию, к отвлеченному понятию, которые послужили в качестве производящих основ для топонимов». [Смолицкая 1982: 67] В.А. Никонов определяет *-ск* как «суффикс неличной принадлежности». [Никонов 1965: 71]

«В ойконимах Белгородской области этот формант сочетается с грамматическими формами мужского и среднего родов. Суффикс *-ск* содержится в названиях, данных по церковным приходам и по фамилиям или именам владельцев селений, а также ойконимы с этим формантом часто отражают местные географические условия. Мы классифицируем такие названия в зависимости от родовой оформленности и в зависимости от базы» [Жиленкова 2012: 72]

Белов + суфф. -ск => с. Беловское

Название село получили благодаря своему рельефу местности – меловым склонам. Данный ойконим образован от фамилии *Белов* с некалендарной именной основой славянского происхождения в основе которой лежит прилагательное «*белый*», «которое употреблялось в отношении чистоплотности, опрятности или праведности человека» [Унбегаун 1989: 121]. Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае имеет значение свойственности, принадлежности к чему-либо.

Драгун + суфф. -ск => с. Драгунское

Данный ойконим образован от основы существительного «*драгун*», которое указывает на род деятельности людей, которые здесь проживали и несли службу по охране границ государства. Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае имеет значение свойственности, принадлежности кому-либо.

В целом суффикс *-ск* как топоформант является весьма продуктивным при образовании ойконимов Белгородского района.

Ряд топонимов с указанным суффиксом являются **ойконимами-идеологемами**, то есть их возникновение обусловлено социально-идеологическими причинами. Приведем примеры.

Комсомол + суфф. -ск => п. Комсомольский

«Название поселок получил благодаря тому, что в тридцатые годы существовал колхоз «Гигант». Его территория занимала почти треть территории Белгородского района. А здесь, в поселке, было одно из его отделений. Сюда же по комсомольским путевкам приехало 8 комсомольцев-трактористов и стали это отделение называть *Комсомольским*» [Зуева 2016: б] . Данный ойконим образован от основы существительного «*комсомол*», которое обозначает название общественной организации молодежи. Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае имеет значение свойственности, принадлежности.

Май + суфф. *-ск* => *п. Майский*

«Как рассказывают старожилы поселка, раньше он назывался *Павловка*. По фамилии барыни *Павловой*, которая до 1917 года владела этой землей. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1968 г. в Белгородской области был переименован поселок областной опытной сельскохозяйственной станции в поселок *Майский*» [Зуева 2016: 11] . Данный ойконим образован от основы «*Май*» в честь майского праздника международной солидарности, мира и труда. Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае утрачивает значение свойственности, принадлежности к чему-либо, сохраняя в чистом виде ойконимическое значение.

Аналогично образован ойконим *Октябрьский*:

Октябрь + суфф. *-ск* => *пгт. Октябрьский*

«Переселение организовала помещица *Воскресеновская*, в ее честь и было названо поселение – деревня *Воскресеновка*. В 1935 году завод посетил нарком пищевой промышленности СССР А.И.Микоян, он добился выделения средств на строительство школы и здания райисполкома. В знак благодарности *Воскресеновка* была переименована в *Микояновку*. В 1958 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 января «О переименовании некоторых районов Белгородской области» *Микояновский* район переименован в *Октябрьский*. Так *Микояновка* стала *Октябрьским*» [Зуева 2016: 5] .

Данный ойконим образован от основы слова *Октябрь* в значении имени собственного – месяц Октябрьской революции (по старому стилю). Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае имеет значение принадлежности к чему-либо.

Политотдел + суфф. -ск => п. Политотдельский

Данный ойконим образован от основы сложного существительного *политотдел*, которое является названием политического органа, создаваемого в армии и флоте. Ойконимический суффикс *-ск* в данном случае имеет значение свойственности, принадлежности к чему-либо.

в) Ойконимы, образованные посредством суффикса –ян-.

Нам встретился всего 1 такой ойконим на территории Белгородского района:

Вода + суфф. –ян => х. Водяной

Хутор *Водяной* получил имя по особенностям местности и расположению в пойме реки Лопань. Данный ойконим образован от производной основы существительного *вода* славянского происхождения. Ойконимический суффикс *-ян* в данном случае имеет не значение наименования, сделанного из того или иного материала или относящегося к чему-то, а репрезентирует характерную особенность местности, на которой возник населенный пункт.

г) Ойконимы, образованные посредством суффикса –к-.

Стрелец + суфф. -к => с. Стрелецкое

«Точной даты нет, когда Болховец превратился в село Стрелецкое. Скорее всего, это произошло после утраты Болховым своего первоначального предназначения в Белгородской черте, где Болхов состоял из нескольких поселений, давших впоследствии названия селам: Стрелецкое, Пушкарное, Казацкое, Драгунское. И если название древнего города Карпова совсем исчезло с карты, то название Болховец существует. Так называется юго-восточная окраина Белгорода и железнодорожная платформа на линии Белгород-Харьков» [Зуева 2016: 3]. Данный ойконим образован от основы существительного «*стрелец*», которое указывает на род деятельности людей,

которые здесь проживали и несли службу по охране границ государства. Ойконимический суффикс *-к* в данном случае имеет значение свойственности, принадлежности кому-либо.

2.2. Ойконимы, мотивированные именами прилагательными

Данная группа ойконимов в Белгородском районе крайне немногочисленна, несмотря на то, что в целом такие наименования характерны для Белгородской области. Так, по утверждению И.И. Жиленковой, «весьма продуктивным для белгородской ойконимии является морфолого-синтаксический способ образования. Сущность этого способа при образовании топонимов заключается в ойконимизации имен прилагательных, которую надо понимать как субстантивацию, так как ойконимы – это имена существительные. При субстантивации происходит так же, как и в апеллятивной лексике, переоформление парадигмы, изменение лексической и синтаксической сочетаемости, образование новых словообразовательных связей, и, в первую очередь, изменение семантики слова» [Жиленкова 2012: 89].

В отношении родового оформления слова здесь сохраняется грамматическая связь с общей номинацией: *хутор, поселок* – значит, муж.род, *село* – значит, сред.род.

а) Ойконимы, мотивированные прилагательными, образованными от непроеводных основ.

Данные ойконимы образуются зачастую неморфологическим способом – субстантивация – переход из прилагательного в имя существительное. Особенность данных ойконимов заключается в том, что они образованы от основ, которые – на современном этапе языкового развития – состоят из одной морфемы – корня, например:

Быстрый (основа *Быстр-*) => х. *Быстрый*.

Данный ойконим образован от прилагательного *быстрый* с производной основой славянского происхождения.

Красный => с. *Красное*.

Данный ойконим образован от прилагательного с производной на современном этапе основой славянского происхождения. Распространенность топонима *Красное* не позволяет с точностью утверждать время основания села. Однако краеведческая литература настаивает на 1659 году. Упоминание о селе *Красном* встречается и в исторических документах о Крестьянской войне 1670-71 годов, более известной как восстание Степана Разина. После разгрома отряда Фрола Разина, брата предводителя и атамана Степана Тимофеевича Разина, под городом Коротояком в сентябре 1670 года некий Акимка Житков таился от царских воевод именно в селе *Красном*. В Белгородской области тоже можно найти много подобных примеров: *Красиво*, *Красный остров*, *Красногвардейский район*, *Красная поляна*, *Красная Яруга* и, наконец, село *Красное*. В каждом из этих случаев объяснить такое название можно разными причинами – влияние революции, местные легенды, природные особенности. Но село *Красное* было так названо, вероятнее всего, из-за красивых живописных окрестностей, то есть здесь производящее имя прилагательное выступает в своем старшем – исходном – значении ‘красивый’.

В отношении родового оформления слова здесь сохраняется грамматическая связь с общей номинацией: *село* – значит, сред.род.

б) Ойконимы, мотивированные прилагательными, образованными от производных основ.

х. *Широкий* => *Широкий*.

Данный ойконим образован от прилагательного *широкий* славянского происхождения (ср.: *ширь*, *широта*, *ширина*), которое, в свою очередь, образовано при помощи суффикса *-ок*. Грамматическое оформление топонима по мужскому роду обусловлено согласованием со словом *хутор*.

2.3. Описание ойконимов-сингулятивов

«Одним из самых старых способов образования географических названий является лексико-семантический способ, сущность которого заключается в образовании ойконима от имеющегося слова апеллятивной лексики без изменения его структуры, путем создания омонима, – метонимического переноса названия с одного объекта на другой по смежности, или метафорического переноса названия с предмета на географический объект по условной связи». [Жиленкова 2012: 102]

«В ойконимии исследуемого региона лексико-семантический способ используется в его метонимической разновидности применительно к старой ойконимии и метафорической – применительно к топонимам социалистической эпохи. В качестве образующих основ избираются терминологические слова различных групп: гидронимические лексемы, абстрактные лексемы». [Жиленкова 2012: 103]

Правила образования ойконимов данного типа, потенциальный параллелизм развития значений свидетельствуют не только об очерченности словообразовательных границ подобных названий, но и о монолитности самих процессов топонимообразования. Причем такие топонимы всегда находятся в прямой зависимости от традиций наименования географических объектов, известных у русского населения, что весьма важно для нашего материала. [Жиленкова 2012: 103]

В качестве образующих основ выступают нарицательные или собственные имена существительные в форме единственного числа:

Брод + суфф. – *ок* => *с. Бродок*

Данный ойконим образован от непроизводной основы существительного *брод* славянского происхождения, обозначающего неглубокое, мелкое место во всю водоема, через которое можно переходить или переезжать, передвигаясь по дну. Суффикс – *ок* в данном случае под ударением при добавле-

нии к основе имен существительных образует имена существительные мужского рода со значением уменьшительности, которая обычно сопровождается экспрессией ласкательности.

Ерик => с. Ерик

Данный ойконим образован от существительного *ерик* тюркского происхождения, обозначающего относительно узкую протоку, соединяющую озёра, заливы, протоки и рукава рек между собой, а также с морем.

Ровенек => с. Ровеньки

Объяснение этимологии данного ойконима дает краевед М. Кононенко: «На реке Айдар некогда жил в шатре хан *Ревений*. Это прозвище он получил за то, что привез из Китая траву *ревений*, из корней которой делался настоей и употреблялся для лечения ран примочкой. Из корешков этой травы делался отвар и для внутреннего употребления – тоже как лечебное средство. Эту траву хан сажал там, где долго оставался на житие или куда после походов возвращался в «свой край». Место, где расположены *Ровеньки*, во времена нашествия монголов называлось «*Ревень*», и новое поселение, основанное в XVII веке, стало называться *Ревеньки́*, а впоследствии и *Ровеньки́*» [Кононенко 2015: 125].

Таким образом, группа ойконимов, представляемая ойконимами-сингулятивами, представлены 3 наименованиями, которые составляют 3,8 % от всего исследуемого ойконимического материала.

В целом ойконимы-сингулятивы мотивированы характерными чертами местности (по реке, по рельефному признаку, по растительности и т. п.) и наследуют именование от имени нарицательного.

2.4. Описание ойконимов сложной модели образования

В нашей области, как и в других областях с преобладанием русского населения, имеют место не только моноксемные, но и двух-трех компонентные ойконимы, образованные лексико-синтаксическим способом.

«Под лексико-синтаксическим способом словообразования подразумевается возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более соположенных лексических единиц в процессе их употребления в языке» [Шанский 1966: 267].

В результате таких образований возникает ойконим-словосочетание, которому «присуще смысловое и структурное грамматическое единство, приравнивающее словосочетание к слову: оно является одним членом предложения и функционирует в речи в качестве составного наименования» [Кожин 1969: 31].

«В топонимике подобные названия имеют несколько обозначений: топонимы-словосочетания (В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Г.П. Бондарук) или названия-словосочетания (Н.К. Фролов, В.М. Лопаткин), составные топонимы (С. Роспанд, В.Д. Бондалетов, Е.А. Черепанова), а также особо выделяются топонимы – номинативные словосочетания (В.И. Тагунова). В нашем материале преобладающими являются двусловные названия; такие ойконимы мы называем бинарными, чтобы выделить их двукомпонентность, ибо составные наименования могут содержать и большее количество слов» [Жиленкова 2012: 104].

Все бинарные ойконимы данной тематической группы представлены пятью категориями, в которых атрибутивный компонент будет указывать на время заселения, местоположение, близость/удаленность селения по отношению к какому-либо объекту, МГТ, именные советизмы.

(Старый) (Нелид + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Старая Нелидовка

(Новый) (Нелид + суфф. ов) + суфф. -к => с. Новая Нелидовка

Данные ойконимы восходят к фамильному антропониму *Нелидов*, образованному от некалендарной основы *Нелид*, которая является греческой и восходит к каноническому имени *Леонид*. «Данное именование пришло в православные святцы из Древней Греции и в переводе на русский язык оно означает «сын льва, подобный льву». На Русь имя Леонид пришло вместе с

другими христианскими именами в X-XI веках и распространилось первоначально в церковной среде» [Фасмер].

С учетом патронимического суффикса *-ов* предполагаем принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Нелидов*.

При исследовании представленных ойконимов мы выявили, что наличие или отсутствие ойконимического суффикса *-к* указывает на род образуемых ойконимов. В случае наличия суффикса *-к* образуются наименования женского рода.

Атрибутивный компонент – *Новый, Старый* – в бинарном ойкониме указывает на время заселения и представлен, как правило, прилагательными *старый/новый*. Такие названия показывают разграничение более старых и новых поселений.

с. Наумовка => Новая Наумовка

(Новый) (Наум + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Новая Наумовка

Данные ойконимы образованы от фамилии *Наумов*, восходящей к календарному имени *Наум*. «В традициях Русской Православной Церкви особо почитались пророк *Наум* и преподобный *Наум Охридский*. Пророк *Наум* жил в VII веке до Рождества Христова. Известен тем, что предсказал разрушение города Ниневии за нечестие его жителей... Таким образом, и значение святых покровителей как просветителей и покровителей образования, и фонетическое звучание имени *Наум* («на-ум») предполагали, что ребенок будет отличаться прилежностью в учении, и это в дальнейшем принесет ему признание и уважение окружающих» [Унбегаун 1972: 256].

Благодаря патронимическому суффиксу *-ов* предполагаем принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Нелидов*.

с. Орловка => с. Новая Орловка

(Новый) (Орел + суфф. -ов) + суфф. -к => с. Новая Орловка

Данный ойконим образован от фамилии *Орлов* от некалендарной основы *Орел* которая является славянской и исторически «связана с культом птиц у славян» [Унбегаун 1989: 273]. «Популярность такого именованья связана с культом птиц у славян. Древние племена, населявшие Сибирь, верили в легенду о появлении мира из орлиного яйца. Самый первый шаман, по их мнению, был сыном орла и человека, он получил от орла мудрость, отличное зрение и магическую силу. Таким образом, родоначальник, носивший имя Орел, отличался мудростью, гордостью, храбростью и силой» [Унбегаун 1972: 259].

Восточнославянский патронимический суффикс *-ов* дает нам основания предполагать принадлежность этого села лицу, фамилия которого и является мотивирующим словом: *Орлов*.

Отдельно выделим название *с. Новая Деревня*, так как соотносительного с ним наименования не отмечено. Но путь его образования очевиден: вновь возникший населенный пункт был назван *Новой Деревней*.

Ольха + суфф. *-ец* = > *с. Нижний Ольшанец*

Свое название данный ойконим получил по р. *Ольшанка*, исток реки которой расположен западнее села Коньшино Губкинского района Белгородской области, в балке Большой Коньшинский Лог.

Ойконимический суффикс *-ец* в данном случае является продуктивной словообразовательной морфемой, при помощи которой образуются имена существительные, являющиеся названиями лиц мужского пола – носителей признака, заключенного в мотивирующем слове (р. *Ольшанка*) со значением уменьшительности, ср. *Донец*.

Атрибутивный компонент в бинарном ойкониме указывает на местоположение селения относительно течения реки или возвышенности.

(*Ближний*) *Игумен* + суфф. *-к* = > *с. Ближняя Игуменка*

Данный ойконим образован от существительного *Игумен* неславянского происхождения, которое обозначает сан настоятеля мужского православного монастыря [Даль 1909: 371]. Ойконимический суффикс *-к* в данном

случае указывает на род образуемого ойконима. Атрибутивный компонент в бинарном названии указывает на близость селения по отношению к какому-либо объекту.

(Крутой)+ Лог (оронимический термин) => с. Крутой Лог

Данный ойконим образован от непроизводной основы существительного *лог* славянского происхождения, обозначающего широкий овраг или запущенную пахотную землю. Наименование населенного пункта образовано с помощью прилагательного *крутой*, обозначающего почти отвесный, обрывистый спуск» [Ушаков 2006: 543].

(Зеленая)+ Поляна (географический термин) => с. Зеленая Поляна

Данный ойконим образован от производной основы существительного *поляна* славянского происхождения, обозначающего небольшое ровное пространство среди леса, и с помощью прилагательного *зеленая*, обозначающего цвет травы, листы [Ушаков 2006: 477].

(Веселая)+ Лопань (диалектная лексема) => с. Веселая Лопань

Данный ойконим образован от названия реки, которое, в свою очередь, восходит к славянскому существительному *лопань*, обозначающего «колодезь на топи, на болоте», и с помощью прилагательного *веселая*. Через село с севера на юг протекает река *Лопань*. «Известный воронежский топонимист, историк-краевед Валентин Прохоров говорил о том, что изначально белгородская *Лопань* была просто *Лопанью* – колодезем на болоте, а определение «*Весёлая*» получила в конце XVIII века. В то время среди помещиков было модно давать своим владениям запоминающиеся, игривые, а иногда и вычурные названия. В 1891 году местный спиртзавод выпустил свою первую продукцию, что и помогло названию «Веселая Лопань» укорениться» [Наталия Козлова: <https://www.belpressa.ru/news/news/druzhnye-davesyolye07458/>].

Атрибутивно-именные бинарные ойконимы-советизмы. К данной группе относятся ойконимы, отражающие идеологические реалии советской

эпохи: *х. Второе Мая, п. Майский, п. Комсомольский, п. Политотдельский, пгт. Октябрьский, с. Ясные Зори.*

Некоторые подобные названия функционируют с определением *красный* в значении «революционный», «социалистический»: *с. Красная Нива, с. Красный Октябрь, с. Красный Хутор.*

В целом, в группе названий с абстрактно-идеологическим значением выявлено 12 ойконимов, представляющих особый тип топонимических номинаций, в которых «...наглядно видна социальная сущность языка, ибо топонимия в большей степени, чем любая другая лексическая подсистема, отражает особенность общественной жизни данного человеческого коллектива» [Беленькая 1969:24]. В процентном отношении это составило 15,4% от общего количества исследуемых топонимов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Комплексный лингвокультурологический подход, нашедший применение в данной работе, обусловил рассмотрение топонимов Белгородского района с точки зрения:

- принципов ономастической номинации;
- процессов появления слова;
- действия языковых и неязыковых факторов ономастикона Белгородской области;
- влияния экстралингвистических факторов на топонимическую систему Белгородского района;
- принципов организации топонимических единиц;
- динамики развития ойконимической системы края под влиянием социально-исторических условий жизни общества в течение последнего столетия.

Наряду с этим в ойконимах, образованных от местных географических терминов, сохранились исчезнувшие из современного языка слова, например: *долбня* – «колотушка, чекмарь, род большого деревянного молота или чурбан с вытесанною рукоятью, трамбовка» [Даль 1909: 134] > прозвище *Долбня* (работник по дереву, плотник) > фамилии *Долбин* > *с. Долбино*.

Рассмотренный нами в работе топонимикон Белгородского района составил 78 наименований, которые были проанализированы:

1. с точки зрения происхождения:

– образованы от исконно русских, основ: *Толокно* + суфф. – **н** => *с. Толоконное*;

– от общеславянских основ: *Рена* + суфф. – **н** => *с. Репное*;

– от заимствованных основ: *лмаз* + суфф. – **н** => *х. Алмазный*);

2. с точки зрения семантики:

– отфамильные названия (восходящие к каноническим и неканоническим именам):

(*Наум* + суфф. –**ов**) + суфф. –**к** => *с. Наумовка* ;

(*Карнаух* + суфф. –**ов**) + суфф. –**к** => *с. Карнауховка*);

– ойконимы, образованные от нарицательных имен существительных, включая ойконимы-идеологемы:

п. Дубовое => *Дуб* + суфф. – **ов-**;

Лес + суфф. – **н-** => *х. Лесной*;

Комсомол + суфф. –**ск** => *п. Комсомольский*;

Октябрь + суфф. –**ск** => *пгт. Октябрьский*;

Политотдел + суфф. –**ск** => *п. Политотдельский*;

3. с точки зрения словообразования:

– установлено, что в ряду ойконимов Белгородского района преобладают номинации, образованные от существительных (фамильных антропонимов) с патронимическими суффиксы –**ов/ -ев**: *Ястреб* + суфф. –**ов** => *с. Ястребово*;

– достаточно распространенной группой ойконимов являются наименования с суффиксами:

– *-ин*: *Голова* + суфф. **-ин** => *с. Головино* (суффикс *-ин* выступает в значительном количестве белгородских ойконимов и образует топонимы от существительных, оканчивающихся на *-а/-я* (*голова, солома, долбня*)). Этот суффикс является одним из самых древних формантов славянства, тесно связанный с суффиксом принадлежности: *Солома* + суфф. **-ин** => *Соломин* > *с. Соломино*;

– *-к* (*Нечаев* + суфф. *-ев*) + суфф. **-к** => *с. Нечаевка*);

– *-ск* (*Белов* + суфф. **-ск** => *с. Беловское*);

4. с точки зрения грамматического оформления: обнаружено, что род топонима определяется согласованием с общим термином (*село, поселок, хутор*): *с. Пушкарное, п. Северный* и т.д.

Ойконимы-сингулятивы мотивированы характерными чертами местности и наследуют именование от имени нарицательного: *Ровенек* => *Ровеньки*; *Ерик* => *с. Ерик*.

К ойконимам сложной модели образования нами отнесены бинарные образования, в которых атрибутивный компонент указывает на время заселения (*с. Новая Деревня*), местоположение (*с. Нижний Ольшанец*); близость /удаленность селения по отношению к какому-либо объекту (*с. Ближняя Игуменка*). В эту же группу вошли некоторые ойконимы-советизмы (*с. Красная Нива, с. Красный Октябрь*).

В ряде случаев значимым оказывается развернутый лингвокультурологический комментарий отдельных ойконимов и групп наименований.

Например, ойконим *с. Пушкарное* (*Пушкарь* + суфф. **-н** => *с. Пушкарное*) представляет собой производное прилагательное от слова *пушкарь* славянского происхождения, обозначающего старое название русского артиллериста. Грамматическое оформление ойконима (сред. род) обусловлено согласованием с общим наименованием *село*.

«Пушкарное – село Белгородской области Белгородского района возникло как слобода *пушкарей* города-крепости Белгородской черты» [Осыков 2015: 45]. Аналогично появились наименования *Драгунское*, *Стрелецкое*, которые возникли на основании того же признака принадлежности населенного пункта служивому сословию.

Дубовое – посёлок, расположенный к югу от Белгорода, практически влившийся в его границы, с населением около 10 тысяч человек. Своё название получил от знаменитого дуба трёхвековой давности, посаженным здесь в ещё в середине 17 века князем Ромодановским и гетманом Богданом Хмельницким в честь воссоединения Украины с Россией и до сих пор являющим миру свою древнюю красоту и мощь. Правда, факт, что именно этот дуб был посажен известными людьми, весьма спорен. Но то, что дубу более 350 лет, сомнений нет. Дуб является памятником природы и охраняется государством.

Достаточно много на территории района *атрибутивно-именных бинарных ойконимов-советизмов*, отражающих идеологические реалии советской эпохи: *х. Второе Мая*, *п. Майский*, *п. Комсомольский*, *п. Политотдельский*, *пгт. Октябрьский*, *с. Ясные Зори*. В целом, в группе названий с абстрактно-идеологическим значением выявлено 12 ойконимов, в процентном отношении это составило 15,4% от общего количества исследуемых топонимов.

Некоторые подобные названия функционируют с определением *красный* в значении «революционный», «социалистический»: *с. Красная Нива*, *с. Красный Октябрь*, *с. Красный Хутор*.

Однако *с. Красное* имеет другую историю. Данный ойконим образован от прилагательного славянского происхождения *красный* в значении 'красивый'. Упоминание о селе *Красном* встречается и в исторических документах о Крестьянской войне 1670-71 годов, более известной как восстание Степана Разина. В Белгородской области можно найти много подобных наименований: *Красиво*, *Красный остров*, *Красногвардейский район*, *Красная поляна*, *Красная Яруга* и, наконец, село *Красное*. В каждом из этих случаев объяс-

нить такое название можно разными причинами – влияние революции, местные легенды, природные особенности. Но село *Красное* было так названо, вероятнее всего, из-за красивых живописных окрестностей.

Не всегда можно однозначно определить причины возникновения того или иного названия. Так, можно предположить две версии образования ойконима с. *Головино*:

Голова + суфф. **-ин** => с. *Головино*

и

Голова + суфф. **-ин** => *Головин* => с. *Головино*

Полной определенности в истории названия этого старого русского села нет. Некоторые считают, что оно связано с большими оврагами и родниковыми ручьями: «*голова*» – начало оврага, реки, ручья. Данный ойконим может восходить к основе некалендарного прозвищного имени *Голова* славянского происхождения, а может быть образованным от фамильного антропонима *Головин*, который, в свою очередь, восходит к собственному или нарицательному имени существительному *Голова / голова*.

Анализ показал, что самую обширную группу составили ойконимы, восходящие к фамилиям, образованным с помощью патронимических суффиксов *-ов/-ев*, с участием суффикса *-к*, представляют обширную группу ойконимов Белгородского района. Количество таких ойконимов – 41 наименование, при этом производящие фамильные основы образованы от канонических и неканонических имен. В процентном отношении это составило 53% от общего количества фактического материала.

Группа ойконимов, представляемая прилагательными от производных основ с различными суффиксами выражена 13 наименованиями, что составило 16,7% от исследуемого фактического материала.

В целом, распределение белгородских топонимов в контексте их словообразовательной структуры выглядит следующим образом (Таб.1).

Таблица 1.

Тематические группы	Количество ойконимов	%
2.1. Ойконимы, мотивированные именами существительными		
Ойконимы, основы которых восходят к каноническим именам	4	5,1%
Ойконимы, основы которых восходят к фамильным антропонимам с неканонической базой	30	38,5%
Ойконимы-прилагательные, образованные от нарицательных имен существительных	19	24,4%
2.2. Ойконимы, мотивированные прилагательными		
Ойконимы, мотивированные прилагательными, образованными от непроизводных основ	2	2,6%
Ойконимы, мотивированные прилагательными, образованными от производных основ	1	1,2%
2.3. Ойконимы-сингулятивы	3	3,8%
2.4. Ойконимы сложной модели образования	19	24,4%

Отметим, что в контексте анализа происхождения топонимов установлено, что в ряду рассматриваемых единиц преобладает базовая апеллятивная лексика с общеславянскими, общевосточнославянскими и общерусскими корнями.

При этом в топонимической системе, как в зеркале, отражаются исторические и культурные особенности района.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования было выявление и описание закономерностей топонимической системы одного ареала – Белгородского района Белгородской области, что обусловило комплексный подход к анализу ойконимов с учетом семантики, структуры и культурного компонента той или иной номинации.

Мы рассмотрели особенности регионально отмеченной топонимики и выяснили, что топонимы составляют важную часть языка и культуры народа, результат его творческой деятельности.

Как показало исследование, на сегодняшний день наиболее сложная проблема – это составление классификаций топонимов, поскольку подходы к топонимической лексике характеризуются разноаспектностью. Выработка единой классификации, которая смогла бы охватить все вопросы, связанные с топонимикой, в настоящее время достаточно сложна и ввиду неоднородности самого фактического материала. Сложность создания универсальной классификации объясняется также неоднозначным отношением различных исследователей к этой проблеме, а также разными целями, которые ставятся исследователями.

Рассматривая вопрос о роли лингвокультурологическом подходе к топосистемам, мы отметили междисциплинарный характер такого подхода, что можно объяснить активным взаимодействием различных факторов и экспериментальных данных разных наук – лингвистики, культурологии, социологии, этнографии и т.д.

Исходя из этого, в ходе данной работы топоним рассматривается как лингвокультурема. Лингвокультурема в качестве комплексной межуровневой единицы представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания: она вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление, так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду».

Принято считать, что топонимикон преломляет объективную реальность в ценностном восприятии человека. Формирование топонимической системы определенных регионов зависит от различных факторов экстралингвистического и лингвистического содержания. Мотивы номинации в большинстве случаев универсальны, поэтому мы наблюдаем схожие модели образования топонимов различных регионов.

Топонимикон Белгородского района составляют географические названия, которые принято рассматривать:

- с точки зрения происхождения: большинство ойконимов Белгородского района образованы от исконно русских и славянских слов;
- с точки зрения семантики: основной корпус составляет пласт отыменных и отфамильных названий;
- с точки зрения словообразования: преобладают патронимические суффиксы *-ов/ -ев*, а также суффиксы *-ин, -к, -ск*.

Отметим, что в контексте анализа происхождения топонимов установлено, что в ряду рассматриваемых единиц преобладает базовая апеллятивная лексика с общеславянскими, общевосточнославянскими и общерусскими корнями. Наряду с этим в ойконимах, образованных от местных географических терминов, сохранились исчезнувшие из современного языка слова.

Наблюдения над ойконимией культурно-исторического характера показали, что в ней отражаются исторические и социально-экономические факты развития нашего края. Такие наименования, преломляясь через сознание людей, приобретают в ойконимии не только новую номинативную функцию, но и характерологический или оценочный признак.

Таким образом, семантическое своеобразие названий населенных пунктов Белгородской области, как и любого лингвоэтнического региона, обусловлено конкретными историческими и естественно-географическими факторами.

В отношении словообразования системный лингвоанализ показал, что в ойконимии исследуемого региона используются основные словообразовательные способы и модели, которые свойственны русскому языку.

Преобладающим способом образования белгородской ойконимии, как и вообще русской, является морфологический в аффиксальной его разновидности. Он обусловлен строем языка и временем образования ойконимических единиц.

Следует отметить богатство использованных топонимических суффиксов разной степени продуктивности и употребительности, что характеризует белгородскую ойконимию как раннюю, так как более поздние ойконимы образованы другими способами.

Можем сделать вывод о том, что все представленные топонимы могут быть разделены на топонимические и possessивные, где первые связаны с наименованием населенных пунктов по характеру местности, а вторые имеют указательную функцию и обозначают владельца того или иного имения.

Данный лингвокультурологический материал, собранный по Белгородскому району, в перспективе небезынтересно сопоставить с топонимическим материалом иных регионов области. Важным аспектом становится разработка теоретико-практической базы, направленной на создание единого топонимического словаря, используемого в качестве методологической основы на уроках по лингвокраеведению и во внеурочной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Бакиев А.Г. Ментальные пространства Ж. Фоконье и М. Тернера : к постановке проблемы / А.Г. Бакиев // Современная наука : актуальные проблемы и пути их решения, 2014. – №7. – С. 137-140.

Баранов А.Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А.Г. Баранов // Жанры речи – Саратов: Колледж, 1997 – № 1. – С.212-258.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

Басик С.Н. Общая топонимика : пособие для студентов / С. Н. Басик – Минск : БГУ, 2008. – 168 с.

Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В.Д. Беленькая – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 277 с.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Бондалетов В. Д. Ономастика и социолингвистика / В.Д. Бондалетов // Антропонимика. Сб. статей / Ред. В. А. Никонов и А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1970. – С. 17-23.

Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.

Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. Пер. М. А. Дмитриевской. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский – М.: Наука, 1974. – 382 с.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – Москва: Индрик, 1998. – 236 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становления антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теории описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1994. – 128 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак – М.: Школа языка русской культуры, 1998. – 768 с.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. Учебное пособие для филологических специальностей ун-тов и педагогических институтов / Б.Н. Головин – М.: Языкознание, 2016. – 322 с.

Ершова Т. В. Топонимика: учебное пособие / Т. В. Ершова. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2015. – 108 с.

Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. Изд. 2-е / И.И. Жиленкова. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 124 с.

Жучкевич В.А. Общая топонимика. 3-е изд., перераб. / В. А. Жучкевич. – Минск : Высшая школа, 1980. – 432 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 47-89.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке) / А.Е. Кибрик – М.: МГУ, 1992. – 336 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

Кузнецова Н.А. Взаимосвязь антропонимии и топонимии (на материале русского языка) / Н.А. Кузнецова // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – Днепропетровск, 1983. – С. 23-25.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. А. Н. Баранова. — М.: Эдиториал, 2004. – 256 с.

Ляпин С.Х. Концептология: к составлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – №1. – С. 11-35.

Малолетко А. М. Введение в географическую ономастику : учебное пособие / А. М. Малолетко. – Томск : Изд-во ТГУ, 1995. – 123 с.

Морозова М.Н. Имена собственные русского языка (географические названия) / М.Н. Морозова – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 96 с.

Морозова М.Н. Топонимы в словообразовательной системе современного русского языка / М.Н. Морозова // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1974.- С. 83-92.

Музя Е.М. Принципы классифицирования топонимов / Е.М. Музя // Запорожский государственный университет, 2002. – № 1. – С. 95-99.

Мурзаев Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – М.: Наука, 1995. – 304 с.

Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов – М.: Наука, 1965. – 184 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – Москва: Мысль, 1966. – 509 с.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин – М.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

Новиков Л. А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.

Подольская Н.В. О развитии отечественной топонимической терминологии. Развитие методов топонимических исследований: Сб. статей / Отв. ред. Е.М. Поспелов. – М.: Наука, 1970. – 256 с.

Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова – Воронеж: Истоки, 2002. – 61 с.

Поспелов Е.М. Из истории отечественной топонимики / Е.М. Поспелов – Известия АН СССР, 1977. – № 3. – С.44-50.

Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

Рахилина Е.В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – № 36. – Москва, 1998. – С. 14-32.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика / Под ред. А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1972. – С. 9-89.

Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева – М.: Наука, 1994. – 257 с.

Селищев А.М. Из старой и новой топонимики / А.М. Селищев // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97-128.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. С. В. Чистяковой – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.

Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев – М.: Наука. 1971. – 292 с.

Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1985. – 182 с.

Суперанская А.В. Микропонимия, макропонимия и их отличия от собственно топонимии: – В сб.: Микропонимия. Тезисы совещания / А.В. Суперанская – М.: Изд-во Московского университета, 1964. – 154 с.

Суперанская А. В. Структура имени собственного. (Фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И.А. Стернин – Воронеж, 2001. – 182 с.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дисс. д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 76 с.

Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук / В. Ташицкий // Вопросы языкознания, 1961. – М.: Академия наук СССР, 1969. – 168 с.

Топонимия мира : учебное пособие / составители : Н. С. Евсеева, А. М. Малолетко, Л. Н. Окишева, Т. В. Ромашова, Л. Б. Филандышева. – Томск : Изд-во ТГУ, 2002. – 100 с.

Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода / О.Н. Трубачев // Этимология – М.: Наука, 1994. – С. 3-23.

Федорова М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области // Очерки по исторической лексикологии / Под ред. М. В. Федоровой. – Белгород: Изд-во БГПУ, 1995. – С. 62-70.

Чейф У. Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф – М.: Либроком, 1975. – 430 с.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. – М.: Мысль, 1997. – 387 с.

Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период / П.Я. Черных – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 243 с.

Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 127 с.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н.М. Шанский – М.: Учпедгиз, 1966. – 245 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский – М.: Наука, 1962. – 189 с.

Якобсон Р.В. в поисках сущности языка / Р.В. Якобсон // Семиотика. – М.: Деловая книга, 2001. – 702 с.

Яценко А.И. Топонимы и географическая среда / А.И. Яценко // Географическая среда и географические названия. – Л.: Наука, 1974.- С. 74-86

II. Словари

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968.

Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. – М.: Просвещение, 1988.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского/ Изд. 2-е, испр. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. — М., 1967.

Конспект урока русского языка (8 класс)

**ТОПОНИМИКА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ:
ЗАГАДКИ И ИСТОРИЯ**

ЦЕЛЬ УРОКА: научить отличать ойконимы, гидронимы и оронимы; ознакомить с понятием «топонимика» и значением топонимики при изучении краеведения.

ЗАДАЧИ:

Образовательная: Сформировать представления у учащихся о топонимическом составе Белгородской области.

Развивающая: Развивать познавательный интерес к предмету, память, внимание, быстроту логического мышления, монологическую речь учащихся, умение работать самостоятельно с картами, дополнительной литературой.

Воспитательная: Формировать ответственность, самостоятельность, умение работать в группе, высказывать свою точку зрения. Воспитывать чувство гордости и патриотизма за свою малую родину.

ОБОРУДОВАНИЕ: Физическая карта Белгородской области, мультимедийная презентация.

ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЯ: лабораторно-практическое занятие с использованием регионального компонента.

ХОД УРОКА:

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МОМЕНТ:

«Памятником духовной культуры особого рода являются исторические географические названия – имена наших градов и весей, улиц и площадей, застав и слобод. Топонимикон народа представляет собой коллективное про-

изведение народного гения... Они служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик страны». Д.С. Лихачев

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО (*исторический объяснительный диктант*):

Объясните толкование слов: история, летописцы, исторический источник, археология, этнография, этнология, род, племя, народ.

ИЗУЧЕНИЕ НОВОГО МАТЕРИАЛА:

Каждый предмет окружающей нас действительности имеет свое имя или название. Названиями является большинство слов в языке. Слова именуют вещи, существа, отвлеченные понятия, качества и свойства и т. д.

Каждое из этих слов относится не к определенному конкретному предмету, а к целому классу одинаковых предметов. Это – нарицательные имена или *апеллятивы*. Но в языке существуют и слова, которые относятся только к одному предмету или объекту, именуя единственные в своем роде предметы и существа. Это - *имена собственные*.

Раздел языкознания, изучающий имена собственные называется ***ономастика*** (от греческого *ὀνομαστική* – «искусство давать имена»). Ономастика изучает различные имена собственные, или *онимы* – имена людей (*антропонимы*), клички и имена животных (*зоонимы*), имена небесных тел (*астрономы*), имена племен и народов (*этнонимы*), названия растительности (*фитонимы*), названия организаций и учреждений (*эргонимы*) и др. Среди этого множества есть место и для географических имен или *топонимов*.

Работа в парах.

Задание 1: *Внимательно прочитайте тексты. Ответьте на вопросы.*

В любом языке существуют предметы, которые обозначают индивидуальность и относятся лишь к одному предмету или объекту. Такие слова получили название «собственные». К данной категории слов как раз-таки можно отнести различные названия, имеющие географические аспекты, или же

общее понятие **«топоним»**, что в переводе с греческого означает **«место»** или **«имя места»**.

На сегодняшний день разнообразие географических названий поражает своим числом, **многие из которых имеют связь с развитием исторического процесса на той или иной местности и существованием языковых элементов в определенной локализации**. Тем не менее, человека очень редко интересует происхождение того или иного географического названия, и именно поэтому сложилась отдельная наука «топонимика», основной **целью которой является изучение отдельных аспектов в развитии того или иного географического наименования**.

1. Что обозначает термин «Топоним»?
2. От чего зависит разнообразие топонимической системы?
3. Какую цель преследует топонимика?

Топонимика – это научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение.

Географические объекты на нашей планете исключительно разнообразны. Здесь и природные объекты (горы, равнины, озера, моря и т.д.), и возникшие как результат деятельности людей (поселения, транспортные пути, промышленные объекты и т.д.) Все географические объекты должны каким-то образом называться, т.е. иметь собственные названия. В топонимике (и в ономастике в целом) их определяют как **объекты номинации** (латинское *nominatio* – «называние»).

Соответственно, все топонимы можно разделить на классы (или группы) в зависимости от специфики объекта номинации. Таким образом, **топонимический класс** (класс топонимов, топонимическая группа) – это сумма названий однотипных географических объектов.

Задание 2: *Внимательно посмотрите на классификации топонимов, сопоставьте класс топонимов (колонка 1) с толкованием этих топонимов (колонка 2)*

(таблица 1)

<i>Класс топонимов</i>	<i>Толкование</i>
Оронимы	названия форм рельефа
Гидронимы	названия всех водных объектов
Дримонимы	названия лесов, рощ, парков
Дромонимы	названия транспортных путей
Урбанонимы	названия любых внутригородских объектов – улиц, переулков, площадей

Проверка задания, подведение промежуточных итогов.

Для того, чтобы понимать, откуда берет свое начало тот или иной топоним, ученые прибегают к анализу этих по **семантике образующих основ** (какая основа послужила началом, какие). Сейчас мы почувствуем себя настоящими лингвокультуроведами и рассмотрим топонимы, которые составляют Белгородскую область.

Посмотрите на карту численного состава Белгородской области, подчеркните на ней названия топонимов. (*Красная Яруга, Грайворон, Ракитное, Борисовка, Ивня, Строитель, Белгород, Прохоровка, Шебекино, Короча, Губкин, Старый Оскол, Чернянка, Новый Оскол, Волоконовка, Валуйки, Бирюч, Красное, Алексеевка, Вейделевка, Ровеньки*)

Разделим эти топонимы на 5 тематических групп.

Задание 3: (работа в группах) *Внимательно посмотрите на предложенные топонимы:*

1. постарайтесь найти основы от которых образованы данные наименования;
2. укажите, с помощью каких словообразовательных элементов (*суффикс, приставка, сложение корней, сложение слов*)
3. предположите, почему данные наименования получили именно такое название

(Задание выполняется по образцу)

Толокно + суфф. – н => с. Толоконное

Данный ойконим образован от прилагательного *толоконный*, производного от существительного *толокно*, обозначающее наименование муки из поджаренного очищенного овса.

Суффикс *-н* в данном случае имеет значение признака или свойства, относящегося к предмету, названному исходным словом.

По-видимому, в этой местности занимались производством толокна.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ. РЕФЛЕКСИЯ

Задание 4: *(работа в группах) Придумайте название своему государству, и географические объекты, которые будут составлять ваше государство. Расскажите про особенности топонимической системы вашего государства по плану:*

Государство нашей группы имеет интересное название – _____.

Глубокие реки *(указать 2 названия)* _____

и высокие горы *(указать 2 названия)* _____

окружают границы нашего государства.

ИТОГИ УРОКА:

Таким образом, на сегодняшнем уроке мы познакомились с вами:

1. познакомились с топонимическим составом Белгородской области;
2. узнали, какими классами представлены топонимы Белгородской области;
3. провели лингвокультурологический анализ топонимов, входящих в состав Белгородской области.

Верю, что вы узнали много нового на сегодняшнем занятии.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ:

Составить картотеку названий Белгородской области.

ВЫСТАВЛЕНИЕ ОТМЕТОК.